

DIGITAL BOOK

ИГОРЬ ОСИПОВ

БОЕВОЙ МАГ

КНИГА 3

ПОТУСТОРОННИЙ БАТАЛЬОН

ТОМ 2

ВОЙНА ЗА ДРУЖБУ

ИДДК

Игорь Валерьевич Осипов
Потусторонний батальон.
Том 2. Война за дружбу
Серия «Боевой маг», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Продолжается изнуряющая позиционная война с чуждым всему человечеству коварным, безжалостным врагом, насылающим на города и села несметные орды кровожадных тварей. Для отпора силам вторжения сплотились и обычные люди, и древние боги. Рука об руку военная техника, колдовство и мужество простых солдат, вооружённых зачарованными автоматами и боевыми волшебными палочками, не дают недругу одержать верх. Чтоб бы победить в этой войне главному герою, войсковому чародею, и его команде предстоит узнать, что движет неприятелем, и добыть ключ к победе.

Содержание

Глава 1. Яробор и должностные обязанности бога	4
Глава 2. Ярость	19
Глава 3. Безлика	32
Глава 4. Убить или не убить? Вот в чём вопрос	45
Глава 5. Яробор и подковёрная возня	61
Глава 6. Чужие пейзажи	72
Глава 7. Иди туда, не знаю, куда, найди то, не знаю, что	86
Глава 8. Яробор и выкрутасы	98
Глава 9. Миссия невыполнима	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Игорь Осипов

Потусторонний батальон.

Том 2. Война за дружбу

Глава 1. Яробор и должностные обязанности бога

Яробор ласково погладил резной столб, срубленный из старой лиственницы. Пальцы прошлись по древесине, покрытой искусной резьбой. Завитки, буквицы, зверушки и древа, да его лик. Сие был его долгожданный идол.

Прошёл уже почти месяц. Тёплая затянувшаяся осень приносила порой ливни, но откладывала с морозами. За это время Яробор со своими помощниками успел сложить добротный терем с двумя этажами, где места было в избытке, но все одно любил сидеть в большом зале с печью, возле которой возилась Настя.

Стрельцы постоянно тревожились, проводили учения и бегали туда-сюда. Порой они обстреливали из своих самоходных мортир совсем обнаглевшие отряды орды, попавшиеся на глаза снующим разведчикам. По построенной гати уже трижды подвозили припасы.

Чужие твари пять раз пытались взять штурмом гарнизон, но у них ничего не вышло.

– Лепо. Лепо, – тихо промолвил лесной бог, вспомнив, что ныне слова не те звучат.

Ныне слово «лепить» означает глиной ваять, а вовсе не красоту придавать. Красный – значит червонный, а не такое же лепо. А как же ныне скажут?

– Андрюшка! Подь сюды! – криком покликнул Яробор своего дьяка.

Увалень вышел из терема, щуря глаза после темени. Он тяжело спустился по новеньким ступенькам и доковылял к капищу.

– Как ныне про лепоту молвят? – не, поворачиваясь, спросил Яробор, отойдя на пару шагов и наклонив голову набок.

Руки с закатанными до локтей рукавами рубахи легли тяжёлыми ладонями на бока. По нраву ему работа плотника пришлась, особенно хмурое резное лицо с чернящими неподвижными глазами, смотрящими на гостей из-под полуприкрытых век.

Дьяк посмотрел на хозяина заимки, как на изувера, терзающего невинных бессонными днями и ночами.

– Здорово, классно, прикольно, охрененно, – перечислил он нудным голосом.

Яробор наклонил голову на другой бок. Идол ещё надо зачернить-поворонить в выемках да высветлить на кромках, дабы резьба была видна даже ночью при огне.

– Не-е-ет, – наставительно протянул Яробор, – Лепо, оно и есть лепо. А все ваши дурные словечки от невеликого ума. Ладно, ступай.

Он постоял ещё немного, вздохнул, а потом решил, что пора заняться тем, что подобает богу места – оберегать и блюсти. Благо, оберегать было много теперь кого, да и блюсти придётся немало. Что сперва? Самое важное – переправу оглядеть. Если с воеводой решили раз в три дня гонца через туман отправлять с донесениями в стольный град, то большие грузы и ихние машины невозможно тягать, а войску хлеб да мясо надобны. Да. Воистину так, думал Яробор.

Он шагнул. Туман возник пред ним послушным облаком, приняв в свои густые молочные объятия, тут же выпустив у самой гати. Сапоги сразу утонули по щиколотку в сыром мхе. А рой гнуса пугливо разлетелся, образовав большой круг.

Гать через болотину строилась споро. Озадаченные лягвы тащили со всех сторон ветки и сучья, скидывая их в длинный вал. Путь-дорога строилась, слегка петляя между зыбких озёр, где под водной гладью ещё на сажень в подземный мир уходил топкий ил. Древние духи, что старше остальных будут, молвили, что великая река петляла, меняя русло за ту тьму веков, что наступила за уходящим отсюда северным морем. Мутные тяжёлые воды нанесли песок и глину, образовав эти земли, а потом отступили в другое русло, оставив полосу заиленного заболоченного прежнего дна. Так и получилась сухая, поросшая сосною и елью твердь меж двух бо-

лот.

Яробор шагнул вдоль этого вала из веток на человеческие голоса. Через сотню-другую шагов из-за кустов показался анжинер со своими помощниками. Высокий худой мужчина в тонких очках что-то объяснял другим, развернув большую карту. Рядом с ними стоял с важным видом жабий князь, доставая анжинеру макушкой разве что до колен, и делая вид, что понимает что-нибудь из разговора.

Анжинер убрал карту и наклонил голову к лягушу.

– Здесь ещё веток, – произнёс он, указав пальцем на прогалину между расступившимися деревьями.

– За-ква-чем? – шевельнув горловым пузырьём, спросил жаб и повёл левым глазом на проплешину.

– Потому что пока нельзя класть полимерный настил, – ответил анжинер, тяжело вздохнув.

– За-ква-чем настил-кву?

– Да ты издеваешься, что ли?! – взорвался человек, глядя на зелёного помощника. – Я уже сто раз объяснял, что не выдержит он КамАЗы!

– Нас, ква, держит, – поджал глаза жаб.

– Вас, блин, и кувшинка выдержит!

Яробор ухмыльнулся. Жабы всегда невероятно глупы. Им и сто по сто раз растолковывать глупо. Этот человек лишь время почём зря теряет, да здоровье своё изводит.

Лесной бог сделал ещё несколько шагов, чтоб его стало видно. Жаб сразу бухнулся на четвереньки, изображая

поклон, а анжинер коротко поздоровался, опустив руки и встревожено глядя на неожиданного гостя. Не привыкли ещё люди к богам.

Яробор показал жабьему князю кулак.

– Делай, что велено. Потом всё увидишь.

– Что, ква, велено? – переспросил жаб, приподняв голову.

Анжинер закатил глаза, вздохнул и прошептал.

– Веток больше.

– Ветки! Ква! Ветки ещё! – громко и противно заверещал жаб, вскочив с места и начав метаться между таких же зелёных недоумков. Те стали прыгать чуть живее. Над лесом поднялось многоголосое кваканье, как в пруду по весне.

Яробор заозирался по сторонам, а потом спросил у человека ответ на интересную думу.

– А где демоница? Она должна здесь тебе в подмогу быть.

– Не знаю, – ответил тот, – утром появилась на пять минут, плюнула в болото и исчезла.

Хозяин лесной заимки скривился и шагнул в туман, думая, что эта стервозина ещё попьёт кровушки.

Но мысли сии дурные, и надобно о них позже думать. Сейчас дела есть поважнее.

Туман выпустил Яробора, и тот оказался рядом с шатрами воеводы. Стрелец у входа в шатры, или как они называли это командный пункт, быстро заскочил внутрь, а потом вышел, но не один. С ним оказался помощник воеводы, коего начальником штаба кличут.

Он поклонился и замер в ожидании. Яробор облокотился на зелёную ограду. На душе у лесного бога было хорошо и весело, невзирая на все мелкие неурядицы, что случились ранее.

— Ну, молви, воин, чем я, как бог-покровитель, могу вам любезно помочь, пока добрый?

— Помочь? — спросил начальник штаба, зыркнув глазами. — Вы только и ходите, корчите из себя великую сущность. Хотели бы помочь, не допустили бы войны. Или пошли бы воевать вместе с нами.

— Ты не дерзи, человек, а то не посмотрю я на договор, что заключил с вашими главами, на суку вздёрну, как холопа, — повысил Яробор голос, думая, что человек слишком много себе позволяет.

Тепло на душе вмиг испарилось, оставив лишь сгущающуюся тьму.

— Помочь, — повторил негромко стрелецкий чин. — Тварей своих уймите для начала, а то от них вреда больше, чем пользы.

— Каких тварей? — играя желваками, спросил Яробор, потихоньку вскипая.

— Ваших, — прямо в глаза богу посмотрел начальник штаба.

Яробор скрипнул зубами. Недобро разговор пошёл, но раз сам назвался в помощь, не вертать взад слова, разгребать суть незадач надобно. Он сделал шаг вперёд, схватил чело-

века за ворот и зло процедил.

– Сей же час пойдёшь со мной и покажешь, чтоб клеветы не было.

«Всех по порядку обойти надобно, всех подопечных, – думал Яробор. – И начать с Пóседня, уж коли он самый главный после хозяина. А если поклёп пустой на них, то вырву язык этому наглецу».

В тот же миг белая молочная пелена всклубилась за спиной лесного бога, и он, не разворачиваясь, шагнул туда, утаскивая воина. Сквозь белесое марево, быстро растаявшее, проявился огромный шатёр, рядом с которым стояли на чёрных колёсах большие походные печи. Несколько баб-поварих, одетых в белые одёжки, толпились у входа в шатёр, испуганно прячась друг за друга, и держа в руках кухонные ножи и большие черпаки. И прятались они от чего-то, что было в этом шатре.

Начальник штаба, согнувшись в три погибели, сглатывал слюну от подступившей дурноты. Не любит туман людишек, наизнанку выворачивает.

Яробор при виде этого легонько улыбнулся. Пусть помучается, наглец.

– Что девоньки? – зычно спросил леший у поварих, – чего испужались?

Бабы разом взвизгнули и, подскочив на месте, развернулись.

– Там медведь в столовой! – сразу начала причитать одна

из них, тыча пальцем на шатёр. – Здоровый такой. Страшный.

Они все посмотрели на Яробора как-то с надеждой и благоговением. Он приосанился, уже и забыв, каково оно, быть богом. Лепота. Внутри снова стало теплеть.

– Расступись, девоньки, – сдвинув парчовую шапчонку на затылок, ответил он и шагнул внутрь, потянув стрельца за рукав.

Пологи шатра пред ним сами собой раздвинулись. Вход был невысок и пришлось немного пригнуться, а потом глазам предстало зрелище.

Среди сдвинутых и уроненных обеденных столов и лавок, прямо на тканом полу сидел Пóседень. Старый бер сгрёб в кучу жестяные кубышки с синими узорными боками и поочерёдно поднимал их, протыкал когтём, а потом лакал длинным алым языком белую тягучую жижу, похожую на сливки молочные. Он делал это с таким самозабвением, что даже не обратил внимания на вошедших. Его язык быстро-быстро облизывал кубышку, а когда кончалась, он тянулся за следующей. Яробор смотрел, как он опорожнил две такие жестянки, прежде чем заговорить, но сначала глянул на скисшего стрелецкого чина.

– Ты что творишь, дурень? – позвал он медведя.

Бер замер и поднял взор. Тягучая жижа струйкой потекла по морде и стала капать на тканый пол.

– Лакомлю сябя, – клопочущим басом ответил Пóседень,

облизав морду, а потом наклонившись к полу и приняв-
шись к небольшой лужице. – Сие онé кличут сгущёнкой. Я
такого отродясе не яствовал. Страсть как сладка. Как мёд,
токмо молочный. Ты отведай, сам не оторвёшься потом.

– Ты всех баб распугал, дурень, – снова произнёс Яробор,
пропустив мимо ушей предложение пробы.

– А пошто онé пугаются мя. Я же не трожу никого из
них.

– Да уж больно ты люто выглядишь.

– Мне этага яства хватит для полюбовного мира и дружбы
с этими бабами. Нэча меня пужаться. Я теперя от их кухни
ни на единый шаг не уйду. Пущай обвыкнутися теперя.

Яробор вздохнул и поглядел на воеводского помощника.
Стыдно ему стало за мысли о клевете. Пусть и не безобраз-
ничает бер, но девок испугал.

– Твоя правда, – выдавил он из себя, – но не со зла он. Что
с него взять, с этого старого сладкоежки.

– На довольствие поставим, – тихо ответил стрелец, – под-
кину начпроду головняк. Но там ещё проблемы.

– Веди уж, – промолвил Яробор, печально вздохнув.

И они вышли из шатра. Сзади слышался сдавленный
стон сдерживающего дурноту человека, ибо туман лесной
бог призвал прямо на выходе, и из шатра они вышли на ши-
рокую поляну, где стояли большие жестяные не то сундуки,
не то амбары, окружённые забором из проволоки. Только
проволока была не простая, а колючая аки ежевика. В такую

влезть – мало не покажется.

Меж двух изгородей стоял стрелец, вооружённый скоро-стрельной пищалью.

Вышли они из тумана, однако не на самую полянку, а чуть в стороне, за плотными зарослями ивняка. Отчего Яробор немного приподнялся, вглядываясь в эту огороженную поляну. Всё было без изъяна. Стражник жив, изгородь цела, разве что рядом болотница стояла. Но она безвредная совсем. Ну, строит глазки воину, так и тот не против, а даже рад ласы точить с бесстыжей нагой блудницей.

– Что здесь не так? – спросил Яробор, резко обернувшись к начальнику штаба, тоже глядевшему на голую девку.

Тот вздохнул и выпрямился, а потом замер и облизал губы. Глаза его заблестели, как у кота при виде мыши.

– Ну... так... – начал он, став водить рукой в воздухе, словно забыл речь, неотрывно глядя на блудницу, – девка.

– Ну и что? – нахмурившись, спросил Яробор. – Эка невидаль, или ты девок не любишь?

– Я? Я не против баб, но нельзя ей здесь быть, да ещё в таком виде.

– В каком?

– А что она голая?! – вдруг взорвался стрелец. – Здесь пост между прочим! Часовой службу нести не может!

– А-а-а... вот оно что, – произнёс Яробор с усмешкой, а потом вышел из зарослей и направился к посту.

Болотница увидела его и попятилась.

– Подь сюды! – громко позвал её хозяин, – Сюды, говорю, дура!

– Яробор, свет очей наших, – всё так же пятясь, промям-лила девка и втянула голову в плечи, аки заморская чуряпаха.

Яробор выставил пред собой раскрытую ладонь, и девку, что только ойкнуть успела, сила дёрнула к хозяину. Пальцы сжались на тонкой белой шее, заставив девку захрипеть.

– Хоть шаг подойдёшь к этому месту ближе, чем на полверсты, голову оторву. Иди подстилкой в другом месте валяйся.

Яробор повернулся к подбежавшему начальнику штаба.

– Может, ей сейчас голову оторвать? Всё одно, её только могила исправит. Её и утопили-то за блуд в трясине.

Вояка, пялясь на белы груди, крутые бёдра и тёмный треугольник лобковых волос, покачал головой.

– Не... Ну зачем голову-то?

– А зачем ей голова? У ней ума и так нет, у дуры этой.

– Не, не надо, – ответил начальник штаба.

– Ну тогда сам воспитывай, – произнёс Яробор, а потом швырнул девку прямо в руки вояки.

Тот подхватил болотницу, да так и замер. Стал слышен стук его сердца. Болотница, хоть и дура, а состроила себе морду невинно обиженной девственницы и захлопала глазками в объятиях мужика. Все бабы так умеют с самого рождения, и смерть их ничему другому не научит. Лады, пусть

сам с ней мается.

Яробор посмотрел вдаль, а потом снова призвал туман. Надо за Лугошей приглядеть, а то вдруг её кто обидеть решил, а она от скромности и пожаловаться не решится, всё будет прятаться по углам.

Яробор шагнул в послушную пелену, оставив воеводу с новыми хлопотами. Впереди находилась река с омутом, отсюда раздавались девичьи голоса. Один Лугошин, а второй незнакомый, но холодный, как ключевая вода. Лесной бог осторожно шагнул, а потом спрятался за толстой сосной, вслушиваясь разговор.

– Нет, – тепло молвила ручейница, – ты не так. Вода, она любит неспешную силу. Ежели ты её будешь торопить, ничего не получится.

– Так? – раздался снова холодный голос.

– Ещё мягче. Ещё. Вот.

Яробор выглянул из-за древа. Девки сидели на небольшой коряге, опустив босые ноги в недвижный омут. От их редких движений по зеркалу воды расходились плавные круги. Ручейница опустила ладонь и дотронулась до глади кончиками пальцев.

– Вот.

Разбегающиеся волны замерли на полпути, а потом потекли обратно. Круг сжался, с зеркала в воздух мелкой рыбкой подскочила капля, снова нырнув в пучину.

– Так?

Незнакомка, которую не можно было узнать со спины, повторила жест. Волны остановили свой бег и замерли, словно застывшее стекло.

– Ещё мягче. А теперь попроси её вернуться. Просто попроси, не приказывай, – снова произнесла ручейница.

Яробор нарочито кашлянул. Девки повернулись. И теперь он закашлялся взаправду. Вторая оказалась той дочерью воды, что пришла с колдуном, хранителем смерти бессмертных.

– Лугоша! – вырвалось у него, – ты пошто её учишь?!

– Дядька! Она попросила, я и учу, – вскочила на ноги ручейница, поправляя подол сарафана. – А что, нельзя?

– Я запрещаю! Брысь домой! – повысил Яробор голос.

– Дядька, – захныкала Лугоша, – она же не злая.

– Ничего не знаю. Домой!

Яробор указал пальцем на клубы тумана, что позвал сейчас, и что растеклись по поляне в ожидании девчурки и его самого.

– Не рычи, дядя, – глумливо произнесла чернявая девка. Хозяин заимки шагнул ближе и сжал кулаки.

– Не дерзи, – зло выговорил Яробор, стоя подле нахалки.

– А то что? Утопишь? Только не бросай меня в терновый куст, – произнесла она какую-то присказку и встала с земли и выпрямилась в свой немалый рост.

Чуть ниже лесного бога она была.

Яробор стоял, метая глазами молнии. Девка насмехалась

над ним, думал лесной бог. Размазать бы её по стволу дерева, да не вступится ли Топь за своё создание? Не хотелось спорить с богиней реки Топь, она седьмая по силе среди всех рек шара земного. Читали в антернете, что у ней вода, а стало быть, сила стекается с земель аж в три миллиона квадратных вёрст. Дикая мощь, а что эта дочь воды умеет?

– Нет, высеку как малявку, чтоб старших уважать научилась. Даже твоя покровительница против не скажет, – промолвил Яробор, увидев, как округлились глаза девки при слове «покровительница».

Она что, не ведает сего?

Лесной бог ухмыльнулся. Не знает, стало быть.

Он ещё сильнее улыбнулся, а потом толкнул нахалку в омут ладонью. Та с лёгким выдохом упала в воду, расплескав брызги и подняв волны.

На руку сие.

– Пойдём, Лугоша, – промолвил Яробор, ласково взяв ручейницу за руку, – может, и разрешу её учить. Ты ведь тоже не видишь, кто она?

– Русалка, – ответила девчурка, когда они шагнули в туман.

– Ну да, ну да, – пробормотал Яробор, а потом они вышли на поляну у терема.

Лесной бог остановился и стал смотреть, как мужичонка в чёрном балахоне и с плешивой бородкой устанавливал рядом с идолом знак. Внутри лесного бога всё заклокотало от

злости.

Это ж надо было так.

От силы да ярости воздух зазвенел, зашумел да застонал от боли лес от задувшего ветра, а в небо поднялось вороньё.

Это ж надо.

Мужик ставил рядом с идолом крест.

– Не позволю! – заорал Яробор, теряя рассудок от бешенства. – Я здесь бог!

Глава 2. Ярость

Я сидел и пролистывал в очередной раз конспект. Сколько ни пытался делать документы, но на экране компьютера всегда пропускал ошибки, и только на бумаге мог сосредоточиться и вычитать всё нормально, да и то, испортив несколько черновиков. Вот и сейчас под ногами валялись скомканные белые листы. Дверь в кунг была открыта, и я слышал тархтение дизельного дýрчика и голоса моих подопечных, задорно обсуждавших свои успехи и неудачи. Пару раз вспомнили ушедшую Соколину, и в разговоре всё свелось к тому, что она струсила.

Я вздохнул. Может быть. Но слишком жарко вспыхнули её глаза перед уходом. Вспомнились падающие слёзы и плотно сжатые губы упрямой полубогини, ну или одной восьмушки, кто его знает, сколько крови и силы ей досталось от могучего прадеда. И всё же она ушла.

Принтер натужно загудел, заставив слегка притихнуть лампу дежурного света. Мощности нашего генератора не хватало на шибко прожорливый лазерник и что-либо ещё одновременно. По клавиатуре прыгала, играя в классики, фантомная охотница на демонов, отчего на экране появлялись новые буквы. Йцукен, прочитал я. Придётся потом всё исправлять, а то натопчет поэму Пушкина вместо конспекта.

Казалось бы, невозможно для синтетического фантома

воздействовать на реальность, но после моего похода сквозь мир мёртвых очень многие программные аватары, например, охотница или мои пчелы после некоторого времени привязки к моему биополю сами приобретали плотность и даже казалось, что становились настоящими духами. Я не знал, как это получилось, но пока такая вещь не слишком меня напрягала. Жаль только не со всеми фантомами это почему-то работало.

Я потянулся за мышью, когда воздух разорвала протяжная сирена. Я с секунду прислушивался, а потом вскочил и помчался на выход, схватив портупею с оружием и сумку из-под противогаза, куда переложил спящего Полоза. Тот разок выполз погреться на солнце, приведя в полнейший ступор Несмеяну, которая теперь ходила рядом и косилась на противогазную сумку с ленивым ужином, как на святыню мирового уровня. Может, для неё это в самом деле была святыня. Змейка ведь.

Заголосила на все лады рация. Наперебой шли доклады.

Ко мне подскочила встревоженная Ангелина.

– Яробор сорвался! – выпалила она, ударила кулаком по краю железной лесенки кунга и помчалась со скоростью, вдвое превышающей олимпийские рекорды, в сторону терема нашего бога-покровителя.

– Да чтоб вас! – выругался я и побежал следом, правда, далеко не так резво, бегун из меня ещё тот.

Когда я, отдышавшись, подскочил к поляне с капищем

и деревянным домом, глазам предстала картина в стиле героического кино. На самой вершине невысокого холма стоял помощник командира по работе с верующими отец Василий, упираясь спиной в деревянный крест. Он, видимо, возомнил, что это его личная священная война. Над поляной раскатывался зычный голос священника, читающий молитву.

А Яробор, рыча, как дикий зверь, шёл к нему. Но при этом сильный ветер, с гулом пригибая траву и рвя одежду, мешал ему двигаться вперёд. Колдовство принадлежало Ангелине, и сдаётся мне, что затормозить его можно было только так, создав встречный поток воздуха. Я, в отличие от ангела, так не умел, но если моя хранительница продолжит в том же духе, то растратит недельный запас сил.

Яробор двигался, выставив вперёд руки, стараясь заслониться от дующего урагана, готового снести его с ног. Древний бог места упирался не только ногами, но и своей сверхъестественной силой.

– Не позволю! – орал во все лёгкие озверевший бог, перекрикивая рёв воздуха. – Не позволю!

Почва под ногами пошла волнами, как ковёр, за который цепляется ползущий человек. Лопнул дёрн, обнажая корни трав. Целый пласт почвы скомканным одеялом отлетел назад. Яробор цеплялся и упорно шёл вперёд.

Стоящая рядом сарайка покачнулась. Крыша со скрипом покосилась.

Я перевёл дыхание и ещё немного поднажал, несмотря на

боль в боку.

Словно бойцовая собака по команде «фас» в локоть вцепилась Ангелина.

Следом за ней с криком «Светлячок! Не надо!» за другую руку схватилась непонятно откуда возникшая Яра. Девочка словно телепортировалась прямо к лесному богу.

Яробор сначала встал, а потом дёрнулся. Полудница, разжав пальцы, пушинкой отлетела в стену сарайки, чтобы, задохнувшись отбитыми лёгкими, упасть на землю и согнуться там в три погибели. Сначала это казалось невозможным, ведь нечисть, но всё же она приняла человеческий облик со всеми недостатками и потому вполне возможно, что её можно ранить и даже убить.

А Яробор несколько раз дёрнул левой рукой, пытаясь сбросить мою помощницу, но всё безрезультатно. Тогда он приподнял руку и упал на локоть, навалившись на Ангелину всем своим весом. Я смог различить колдовской барьер, который защищал Ангелину, вспыхнувший призрачными золотистыми всполохами. Но всё же она закричала от боли.

– Не позволю! – ревел бог.

Сзади на поляну выехали танки, рыча двигателями. Если надо, они расстреляют древнюю сущность специальными снарядами.

– Остановись! – кричала Ангелина.

А Яробор сделал большой рывок вперёд, а потом уцепился руками за землю, когда неведомый ветер с силой протянул

его обратно. На земле остались такие следы, словно кто-то вспорол когтями сукно на бильярдном столе, или пропахал целину трактором.

Яра встала с земли, держась обеими руками за живот, прислонилась к постройке и глядела на Яробора исподлобья, что-то шептала.

Я подбежал и достал Иглу.

– Стой! – закричал я, пытаюсь переорать гудящий ураган, – не смей, иначе я тебя убью!

– Прочь! – заревел он в ответ.

Черты его лица потемнели и начали терять человеческие очертания. Он сгорбился. Хрустнули кости и хрящи. Разорвалась одежда, распёртая тугой мускулатурой.

Тяжёлая морда непонятного зверя, похожего и на волка, и на медведя одновременно, оскалилась клыками, в ладонь величиной каждый. Он не упал на четвереньки, а встряхнул чёрной гривой, которой смог бы позавидовать и царь зверей, и пошёл на задних лапах, проскальзывая и откатываясь назад, как с обледенелой горки. На удлинившихся руках захрустели массивные стиснутые кулаки.

Я ударил фокусным импульсом. Вокруг Яробора вспыхнуло зелёное марево, похожее на северное сияние, и энергия моего удара ушла в сторону, обратившись взрывом. По поляне раскидало комья земли, оставив метровую воронку, словно от артиллерийского снаряда.

Яробор уже не говорил, а просто ревел, роняя белую пену

с чёрных губ. Глаза полыхали янтарным огнём.

Священник, стоящий сзади меня, сорвал голос, крикнув: «Изыди!».

Я ударил телекинезом. И снова зелёное марево отвело силу. У сарайки вырвало четыре бревна, улетевших на добрые двадцать метров, и с грохотом упавших на траву. Сама постройка сильно накренилась. Я даже побоялся, что задену полудницу.

Осталось только одно.

Я встал между священником и лютым трёхметровым зверем, в котором не осталось ничего человеческого, выставив перед собой клинок.

– Убей его! – услышал знакомый голос.

Я мельком бросил взгляд. Лилитурани-Пепельный-Цветок, пылая нимбом и огненно-белыми крыльями, стояла на краю поляны.

– Убей эту тварь! – истошно визжала она. – Убей это чудовище!

Священник, совсем охрипнув, орал «Отче наш!»

– Стой! – закричал я, сгруппировавшись, – я не хочу тебя убивать.

Монстр не слушал, он слепо пёр на отца Василия.

Он лишь дёрнулся, когда на нем повисли волкудлаки, вцепившись зубами, как стая, охотящаяся на лося. Силы были не равны. Яробор крутанулся, и волки щенками разлетелись в разные стороны. Сквозь ветер слышался жалобный ску-

лѐж раненых полузверей.

Я создал барьер, выставив перед собой левую руку. Сфера упѐрлась в чудовище, начав прогибаться под его силой, как воздушный шар под жилистыми пальцами, но всё же это его задержало на какое-то время, всё-таки щиты – это мой конѐк. По колдовской плѐнке побежали радужные всполохи. То там, то здесь проскакивали змейки белесых разрядов. Когда барьер рухнет, то поддавшись инерции, он напорется на клинок, совсем как медведь на рогатину. Я боялся думать, что он сомнѐт и раздавит при этом меня.

– Убей! Убей его! – орала Лилитурани.

Раздались выстрелы танковых орудий. Снаряды рванули о щит силы. Зелѐное пламя, сорванное колдовским ураганом, мгновенно погасло. Яробор словно и не заметил, лишь ещё громче взревел.

– Дядька! – прорвался в какофонию этих звуков звонкий голос. – Не надо крови!

Девчурка встала рядом со мной. Ураган развеивал её длинную косу, сорвав платок, и дѐргал ярко-синий сарафан.

– Дядька! Не хоцу крови!

Сзади два шага до священника, спереди два шага до монстра. А посередине мы. Маг с чѐрным клинком и худющая девчонка.

Зверь замер.

– Дядька, не надо, – одними губами прошептала Лугоша. По её щекам потекли слѐзы, срываемые потоком воздуха.

Зверь закрыл глаза и упал на колени.

Всё разом стихло. Пропал ветер. Угасло зелёное пламя. Это моя хранительница выдохлась. Всё же, девочка подросла очень вовремя.

Лишь танки мерно рычали поодаль на холостых оборотах. А Яра, стоявшая у стенки амбара и глядящая на мою помощницу испуганными глазами, плашмя упала на землю, как безвольная кукла.

– Тварь, ты что творишь?! – услышал голос Ангелины, когда моя помощница, шатаясь и едва держась на ногах, прошла мимо.

Я сглотнул и, тяжело дыша, повернулся. Ангелина схватила за грудки священника.

– Ты что делаешь?! Ты зачем его провоцируешь?!

– Эта тварь должна сдохнуть! – прокричал охрипший священник с нотками фанатизма в голосе.

– Дебил, почему не согласовываешь с начальством?! – потряхнула отца Василия Ангелина.

– Люди слепы!

– А просто спросить не судьба?!

– Не смей мне указывать, ведьма! – прокричал Ангелине в лицо священник. – Мне сам ангел господень глаза открыл.

– Какой ангел? – опешила моя помощница, открыв рот и округлив глаза, а потом заорала во всю силу. – Какой ангел?!

Священник поднял руку и пафосным жестом показал на край поляны. Я повернулся и посмотрел на потихоньку пя-

тившуюся Лилитурани.

Это она всё затеяла? Зачем?

– Дебил!!! – заорала Ангелина, приподняв священника над землёй. – Она не ангел, она исчадие ада! Она племянница одного из князей преисподней!

– Не верю! Твои слова лживы! – завизжал священник.

– Сейчас пойдём и спросим, – выдавила она из себя.

Ангелина, не выпуская из рук отца Василия, через силу пошла в сторону демонессы, а та сорвалась с места и исчезла в зарослях. Ноги священника волочились по траве, несмотря на его вялые сопротивления.

С земли молча встал Яробор. Черты его тела медленно текли. Он усыхал и уменьшался. Через несколько минут он снова стал человеком со звериной шкурой на плечах, каким был прежде.

– Что-то устал я, – хрипло произнёс древний бог, осунувшись лицом, – пойду, прилягу.

Он покачнулся и, медленно переставляя ноги, пошёл к себе в терем. Лишь на пороге остановился, обернулся и посмотрел на убегающую демоницу, на меня, на крест и на всех остальных. В конце он встретился взглядом с Лугошей.

Яробор опустил глаза, а потом зашёл внутрь.

Я выдохнул. Отступившее напряжение подкосило колени, и я сел на перепаханную траву.

– Я к дядьке, – бросила Лугоша и быстро промчалась, мелькая розовыми кроссовками, до двери в терем.

Я убрал в ножны клинок, потёр ладонями лицо и поглядел на Яру. Она лежала без сознания у сломанной бревенчатой стены, а над ней уже склонилась берегиня. Медуница рылась в сумке с красным крестом, лопоча, что это не то, что это не нужно.

– Вот, – наконец, произнесла она, достав небольшой стеклянный стерженёк.

Берегиня несколько раз встряхнула палочку, и та медленно разгорелась белым свечением. Я с кряхтением, как старый дед, встал с земли и подошёл к берегине.

– Рёбра сломаны, компрессионный перелом позвоночника, – произнесла Медуница, дунув на прядь волос, упавшую на лицо.

Она водила над девушкой светящейся палочкой, словно сканером. Наверное, это и был такой колдовской сканер, только я ничего не понимал в нём.

– Отбита одна почка и порвана селезёнка. Разрыв лёгкого. Сотрясение мозга. Будь она человеком, давно бы копыта откинула. Но в медпункт её срочно нужно.

Рядом послышались шаги. Я повернул голову. Это оказалась Александра.

– Не нужно было так, – заговорила она, обращаясь ко мне.

– Как? – спросил я.

– Он тебя легко мог убить.

– А что я должен был делать? – спросил я, глядя на Шурочку.

После гула ветра, рёва зверя и грохота взрывов наступившая тишина казалось какой-то сверхъестественной и нереальной.

– Не знаю. Обо мне подумать. Ты меня хотел одну оставить? – сухим голосом спросила Всевидящая.

– Нет, – опустив глаза, ответил я. – Я делал то, что должен. Шурочка подошла ещё ближе и упёрлась лицом мне в плечо.

– Больше так не делай, – прошептала она, – я люблю тебя, и не хочу потерять. Пообещай.

– Обещаю, – ответил, обняв её за плечи.

Я перевёл глаза на раненую.

Берегиня встала с земли, шмыгнула носом, упёрла руки в боки.

– Пациент скорее жив, чем мёртв. Но если что, я тут полянку присмотрела. Закопаем. Можно даже живьём, чтоб неповадно было умирать.

Она снова шмыгнула носом.

– Слышь, эскулапница, – произнёс я, – ты что, вообще ни капли сострадания не имеешь? Она, между прочим, в бой пошла на божество.

Берегиня посмотрела на меня снизу вверх зелёными глазами, а потом ещё раз шмыгнула.

– У неё здоровья на десятерых хватит. Вытяну. Не могла бы вытянуть, не стебалась бы.

Медуница подняла руку, щёлкнула пальцами и звонко за-

орала.

– Санитар!

Из-за сломанной сарайки вышел Тихон. Он осторожно подступил к полуднице и неспешно, словно сбитого машиной котёнка, поднял девушку. Парочка медленно пошла прочь.

Я проводил их взглядом.

– Барьер, – вдруг произнесла Шурочка. – Барьера нет. Ярбор после боя его не поставил.

– Вот чёрт, – выругался я, а потом глянул по сторонам.

– Чёрт! Чёрт! – вывалось у меня.

На краю поляны стояла высокая, блестящая лакированной шкурой, человекоподобная тварь. Мясник медленно наклонял безликую голову то в одну сторону, то в другую, уподобившись в монотонности неспешному маятнику. Он некоторое время просто стоял под нашими взглядами, а потом резко отпрыгнул назад в кусты, исчезнув в них так быстро, как и возник.

Я ждал сирены, оповещающей о нападении тварей орды, но её не было. Вымотанные внутренними разборками и лишившись щита, мы понесём большие потери.

Но сирена почему-то не звучала.

Рядом встал командир части, зажимая в руках рацию. Он тоже ждал.

– Пламя, пламя, я альфа. Команда «штык», – проронил он в эфир.

Циркулярный позывной. Полная боевая готовность.

– Странно всё это, – произнёс он хриплым басом. – И этот Яробор. И девочка ваша. Я не ожидал такого подвоха.

Глава 3. Безлика

С момента срыва Яробора прошло уже порядком времени. Заходить к нему в терем никто не решался, мало ли что этот безумец отчебучит. А сам он заперся и не показывался. Только командир несколько раз стучался в широкую дубовую дверь, но ответа не было. Теперь же там караулило отделение от комендантского взвода, готовое сразу подать сигнал, что бог-хранитель появится на улице.

Барьер так и не появился, и мы пребывали в постоянной боевой готовности. Солдаты в спешке растягивали в почти поглощённом тьмой лесу мотки малозаметного проволочного заграждения, именуемого в народе пúтанкой. Если уж кто застрял в ней, тот точно без посторонней помощи не выберется, увязнув в стальной паутине не хуже мухи.

Вдалеке гудели двигатели, и не поймёшь сразу, от машин это или от дизельных генераторов, но судя по мерному та-рахтению на не самых маленьких оборотах, все же генераторы.

Я сидел на кевларовом шлеме, как на шляпке большого сказочного гриба. В руках держал пистолет-пулемёт «Каштан», под патрон 9 на 18 мм. Все как один снаряжены серебром. Слева от ствола в воздухе медленно колыхались цифры с количеством боеприпасов, моя маленькая хитрость техно-магии. Морок походил на старинные газоразрядные индика-

торы, что применялись в первой электронике. Оранжевый свет не резал глаза, а при необходимости их можно было совсем погасить.

На оружие толковый чародей вообще может повесить कुछ полезных заклинаний. Это и подобие лазерного целеуказателя, и глушитель, и фонарик. Я не нуждался в этом. С ладони с тихим жужжанием сорвалась колдовская пчела, вспыхнув, как лампочка-сороковка, и умчалась гигантским светлячком в заросли. Там и так рваными хаотичными движениями кружило не меньше сорока её сестёр.

Мы все сидели в ожидании непонятно чего. При необходимости сорвёмся на самое опасное направление.

– Шарахаются, – тихо произнесла Александра, упрятанная в бронежилет и шлем.

– Орда? – спросил я, взглядевшись в наступающую тьму.

– Да, но их мало совсем. Они на самой границе восприятия мелькают, – ответила Шурочка, она как-то совсем хмуро осунулась.

Я ощущал нити её внимания. Часть из них протягивалась вдаль, раскинувшись, как ловчие сети паука-крестеносца. А часть обвивала меня, словно желая запутать в кокон.

– Как думаешь, почему не нападают? Мы же сейчас для них очень хорошая мишень, – снова задал я вопрос, глядя, как девушка нервно ломала пальцы.

– Не знаю, – произнесла она дрожащим голосом, вот чего-чего, а страха перед боем я за ней не наблюдал.

Наоборот, она всегда была очень собрана, входя в транс и чётко давая указания. А тут её словно подменили.

– Что случилось? – спросил я, положив на её трясущиеся ладони свою ладонь.

– Ты... – она замялась, но всё же высказалась, – ты ничего не ощущаешь?

– Нет, – осторожно произнёс я, всматриваясь в лицо Александры. Она и в самом деле была сама не своя. – А что я должен ощущать?

– А если... – начала она, а потом тряхнула головой, словно отгоняя дурные мысли, – нет, ничего.

– Сашенька, что стряслось?

– Ничего! – повторила она и подняла лицо с незрячими глазами вверх. – Несколько особей близко подошло.

Я кивнул, а потом позвал стажёра.

– Володя, дай-ка мне вон ту упаковку, – произнёс я, показав на лежащее рядом имущество.

– Сэ... сэ... солнышком? – заикаясь, переспросил Володя.

– Да.

Он кинул пачку с небольшими пластиковыми тубусами. Я поднял упаковку и достал одну ракетницу. На ней стояло клеймо Дажбога, изображавшее солнышко.

– Щас испытаем новинку, – произнёс я. – А где, кстати, Ангелина?

– В па-па-палатке. С Ярой сэ-сэ-сидит.

Я хмыкнул. И эта чудит. Ладно, потом разберёмся.

Я направил зелёную пластиковую ракетницу вверх и дёрнул за шнур. С резким шипением в фиолетовое небо с проступившими на нём звёздами ушёл осветительный патрон, оставляя искры. А потом там, вверху, возникло небольшое охристо-жёлтое солнце, медленно опускаясь и освещая всё вокруг.

Я глядел на него. Осветительный патрон был раз в десять ярче обычного. Где-то вдалеке прозвучала короткая автоматная очередь, а потом несколько одиночных выстрелов, но больше ничего не произошло. Это либо кто-то с перепугу открыл огонь, либо тоже увидели тварей и обстреляли с дальней дистанции. Хотя в лесу сильно не понасмотришься.

Когда я опустил глаза, то увидел чёрный высокий силуэт, выхваченный из этого разбавленного колдовским солнцем сумрака. Я даже вздрогнул, но присмотревшись, узнал Дениса. ФСБшник осторожной походкой приблизился к нам. Видимо, ему больше не нашлось места, кроме как у нас, а может, он сам не мог найти себе места в этом напряжённом состоянии.

– Хорошая вещичка, – произнёс он, начав говорить издалека, имея в виду солнышко. – Хорошо с ней, уютно.

Я кивнул.

– Они не нападут, – вдруг сказал Денис, присев на землю и прислонившись спиной к слегка урезанному Соколиной пеньку.

– С чего бы это?

– Сейчас с другой стороны от города штурмуют железнодорожный эшелон, по восточной ветке. В город перебрасывают технику для восполнения потерь. Орда пытается до неё добраться. Там целая дивизия бой ведёт. Тварям попросту не до нас. Давно такой массированной атаки не случилось. И я вот что скажу. Этот эмиссар вообще не спешит с войной. Предыдущие ошалевшие были. Всё пёрли буром, а этот наносит мощные, точные и очень продуманные удары, отрезая резервы, уничтожая стратегически важные объекты. Ведёт изнуряющие рейды, но основная масса атак для отмазки.

– Не понял, – произнёс я, перебив монолог Дениса.

Я тоже поймал себя на таких же мыслях, но думал, что это только так кажется.

– Ну, – он пожал плечами, – словно он преследует свои цели, а меж тем, ему сверху спускают план. Он побарахтается немного, отправит на убой сотню другую, а потом затихает. И лишь когда возникает очень большая необходимость, как сейчас, когда можно потерять стратегическую инициативу, берётся всерьёз.

– Значит, сейчас нас не будут атаковать?

– Я так думаю. Попугают малость, и всё, – кивнул Денис, а потом посмотрел вверх.

Осветительный патрон резко погас, и мы снова погрузились во тьму. За это время небо из фиолетового стало совсем чёрным. Лишь мои пчёлы роняли рваные лучики света, просачивающиеся через густой кустарник. Если придут только

пугать, то напорются на сторожевые фантомы. Пчёлы сразу дадут знать за двести метров, а то и сами взорвутся гранатами. А если появится эмиссар и развеет их, то тоже станет ясно, что враг рядом.

Все сидели и вслушивались в ночную темноту, сжимая оружие в руках.

– Барьер, – произнесла Александра, и все дружно выдохнули.

Облегчение прокатилось волной по усталым лицам и мордам.

– Белый голос, – позвал я во тьму, и оттуда тускло блеснула пара глаз. – Отправь кого-нибудь за хворостом, – попросил я волкудлака, – костёр разведём. Заодно надо прочесать окрестность, мало ли какая тварь притаится. Твои волки могут её по запаху найти.

Волк коротко и глухо прорычал, и сразу три волчонка-подростка поднялись с мест и умчались в ночь.

Я встал и потянулся. Значит, Яробор потихоньку приходит в себя, раз поставил колдовскую стену. Можно расслабиться.

Сразу оживилась рация. Командиры наперебой стали давать команды и уточнять житейские вещи. «Организовать прочёсывание местности и назначить парные патрули на ночь для проверки районов подразделений!», «Оружие на место», «Что там с кухней?», «Внимание, в ночь движение техники запрещаю. Оставить всё на местах, выделить патру-

ли для охраны», «Сбор командиров подразделений через час с рапортами о наличии оружия и личного состава».

– У... у... меня тушняк есть, – произнёс Володя.

– Это НЗ, – сразу подал голос дед Семён из дверей кунга.

Домового в полевых условиях почти не было видно и слышно. Он всё время прятался в жилом прицепе и лишь изредка показывался народу.

– Дед не жадничай, – произнёс я. – Сейчас душа праздника просит.

Дед пробурчал что-то невнятное, типа «на ночь жрать вредно», и исчез.

Володя встал и, бряцая тяжёлыми ботинками по железным ступеням, полез в кунг, где загремел дверцами шкафа. Из темноты выскочил волчонок и бросил на траву большую охапку сухих веток, а потом опять испарился.

Я щёлкнул пальцами, и по хвосту пробежалось пламя. Легко быть колдуном на природе. Костёр начал разгораться, бросая резкие тени, распыляя жар и искры. Дым и искры утекали вверх, чтобы немного покоптить чёрное небо и звёзды.

– Щас бы песню, – снова слышались слова домового, – такую... чтоб за душу зацепила.

– Я не певец, – усмехнулся я, легонько толкнув плечом севшую рядом Александру, но та даже не заметила, погруженная в свои думы.

– Белый голос, – раздались выкрики волкудлаков, – Белый голос, спой.

Я посмотрел на зверя. Тот подвинулся ближе к костру и задрал вверх морду. Все с любопытством уставились на волка, ожидая нечеловеческую песнь. Какова она? Обычный собачий вой и лай?

Белый голос зажмурился, вдохнул, а потом начал. Чистый звук начал расти из едва слышного подвывания в невероятно громкий и мелодичный вой. Я слышал раньше волчью песню, но сравнивать с этой язык не поворачивался. Это то же, что сравнить напевающего в подъезде пошлые мотивчики подростка с оперным певцом. Вой уходил к небу, рождая тягучие переливы. Что-то смутное угадывалось в этой песне, словно он взял человеческую и растянул.

– Это Цой, – вдруг вырвалось из-за спины Володи. Там сидела, обняв стажера, Светлана. – «Кукушка».

– Хватит зверьё дрессировать, – раздалось с шипением из рации, – уже отбой был.

Я усмехнулся. А Белый голос пел самозабвенно и с удовольствием. Он допел почти всю песню, как вдруг резко замер, уставившись во тьму. Мы разом повернули головы, а потом встали. Один из волков, ушедших за хворостом, легко толкнув, вывел на свет костра странное создание.

Белесое и, кажется, даже полупрозрачное. Оно было не одето и ступало худыми босыми ногами по траве и палой хвое. Никаких признаков пола, никаких признаков лица на овальной тонкой передней части головы, по-другому язык не поворачивался назвать эту гладкую белую маску.

– Вот те раз, – произнёс Денис, привстав с земли и подойдя к существу.

– Не стоит подходить ближе – сказал я, заготавливая щит и фокусный импульс, – вдруг оно опасно.

– Откуда оно здесь? – спросил ФСБшник, и сам себе ответил. – Хотя, наверное, пока барьера не было, оно и проникло.

Существо сделало шаг вперёд и наклонило безликую голову. Мы все замерли, а оно меж тем стало меняться.

– Охренеть, – раздалось из тьмы.

Это Кирилл.

У существа начали расти волосы на голове. Они сначала встали густым ёжиком, а потом стекли вниз, достигнув плеч. Все подались вперёд, когда под гладкой белёсой кожей резко возникли тёмные пятна там, где полагается быть глазам. Плавно вытянулся нос. Он сначала вырос тонким и длинным, а потом, наоборот, стал короче, словно существо специально его подгоняло под какие-то параметры. Нос менял непрерывно форму. То появлялась горбинка, то он становился плоским. Это походило на подборку фоторобота. Наконец, это остановилось на курносом варианте.

Существо водило слепым лицом из стороны в сторону, словно всматриваясь в каждого, словно читая реакцию. Света попятилась, а потом спряталась за Володю. Александра тихонько взяла меня за руку. Происходящее завораживало и пугало одновременно. Всё это время хрустели суставы и кости. Гудели, как натянутые верёвки, мышцы.

Возникли уши и брови. Они тоже несколько раз претерпели метаморфозу. Одновременно с этим оформлялось тело. Тонкие палочки рук и ног приобрели определённую плотность. На кончиках пальцев выросли ногти.

Что-то чавкнуло, а потом существо открыло тонкий безгубый рот, чтобы сделать глубокий шумный вдох. Губы тоже начали появляться. Рот то расширялся, то сужался, а потом всё же приобрёл немного детские пухлые формы. Существо явно не могло выбрать, на каком черновике остановиться.

– Оно читает наши эмоции, – произнесла Александра, – Оно по очереди показывает варианты и останавливается на том, что больше нравится всем. Уровень эмпатии зашкаливает. Предпочитает прислушиваться к тому, кто сильнее остальных.

Я не ответил, как боевой маг, я был немного сильнее остальных. Я молча смотрел на преобразование. Лицо стало тоньше и чем-то напоминало Александру, словно старалось стать неким подобием младшей сестры. Я видел, как блеснул глазами Денис, тоже уловил сходство. Он с любопытством задержал на мне свой взгляд.

Ниже пояса пока оно не преобразилось, и это было жутковато, словно мутант какой-то. Получеловек, полу что-то. На совершенно гладком теле потемнели и затопорщились соски, потихоньку выросла женская грудь. Грудь сначала налилась до третьего размера, а потом опять уменьшилась, став едва оформившейся.

– А почему не мужчина? – спросила Света, всё так же прячась за Володей.

Я пожал плечами.

– Девушка. Подросток, – забормотал Денис, – самая безобидная внешность. И меньше всех провоцирует. Оно же смотрит не только реакцию мужчин и женщин, но и социальные реакции. Не хочет ревности, зависти и прочего негатива.

На теле существа потихоньку углубился пупок, а затем потемнел пах, где появились едва заметные лобковые волосы. Промежность после изменений прямо указала, что это девушка.

С противным и громким хрустом разошлись бёдерные суставы, придав существу женскую фигуру. От такой перемены существо даже стало немного ниже. Я поморщился от этого звука.

Существо стало водить плечами, разминая их, сгибать и разгибать руки, потягиваться на носочках. И всё ещё хрустело и хрустело хрящами.

Тело перестало быть подобием матового стеклопластика, приобретая естественный цвет подёрнутой лёгким летним загаром кожи.

А потом все вздрогнули, когда оно открыло совершенно белые глаза, похожие на варёные вкрутую яйца. Существо зажмурилось, а потом снова открыло глаза. На этот раз дёрнулся от боли я, когда Шурочка впилась мне ногтями в руку. Не знаю, как, но она смогла уловить то, что понял только я.

Может, именно через меня Шурочка и прочитала.

Существо выглядело неким подобием более молодой и более тонкой Александры, разве что немного детские губы вылепились под заказ кого-то другого. Но у этого были глаза Анны, моей погибшей жены. Один голубой, другой зелёный. Для слепой Сашеньки это как удар под дых.

Все молчали и смотрели. Мы на это, это на нас.

Денис достал фотоаппарат, про который, видимо, совсем забыл в процессе самого преобразования, и сделал несколько снимков.

– Мы тебя не обидим, – произнёс я, почувствовав, как ещё сильнее стиснулась рука Шурочки.

Существо наклонило голову, а потом широко улыбнулось.

– Она умеет говорить? – спросил Денис, а потом заорал: – Твою мать!

– К чертям собачим! – завторил ему я.

Противогазная сумка, которую я таскал с собой, лопнула, как воздушный шарик, разбросав лохмотья ткани. Полоз, про него и забыли уже все, так долго он спал в уютном логове, появился в своём репертуаре. Мелкий у́жик почти мгновенно вырос до пятиметрового удава. Змей сбил с ног нашу неожиданную гостью, смотал в кольца и замер в траве. Всё это произошло в полном молчании их обоих.

– Зачем? – быстро спросил я, высвободившись от хватки Александры и подойдя вплотную к Полозу и его жертве.

Змей поднял голову на уровень моего лица, медленно ше-

вельнул чёрным раздвоенным языком и тягуче заговорил.

– Это тварь орды.

– Ты уверен? – произнёс я, переведя глаза на слабо шевелящуюся сущность, принявшую человеческий облик.

Змей, возраст которого был на пару порядков больше всех в этом гарнизоне вместе взятых, включая деда Семёна с его десятком тысяч лет, никогда не ошибался и никогда не шутил.

Я выпрямился, словно мне вбили кол в спину.

Тварь орды.

Глава 4. Убить или не убить? Вот в чём вопрос

Костёр тихо потрескивал. Но если раньше это было красиво и умиротворённо, то сейчас, оранжевые искры взлетали вверх частичками пожарищ, оставленных ордой в пригороде Новониколаевска. Воображение придавало дыму зловещие изгибы, а тьма глядела на нас бесчисленными глазами чуждых нашему миру тварей.

Напряжённо замерев, мы разглядывали пленницу, а существо улыбалось от уха до уха, словно не висело на волосок от смерти, а просто запуталось в тёплом мягком одеяле. Оно высвободило из слегка обмякших колец Полоза одну руку, протянуло узкую ладонь к длинной голове змея, блестящей неподвижными глазами, и осторожно прикоснулось к самому кончику морды. Полоз недовольно зашипел, как пробитая крышка, а его чёрный язык, дрожа, коснулся тонких пальцев.

Существо приоткрыло рот в улыбке с жемчужными зубами и сверкнуло любознательным взглядом, оно словно не осознавало угрозы.

Я прищурился, переходя на экстрасенсорное восприятие. Обычно твари орды истекают густым фиолетовым свечением, характерным для них. Они не проявляют привычных нам

эмоций, воплощая лишь готовность убивать до последнего вздоха. Даже эмиссары сверкали ультрафиолетовыми проекторами, или же переливались синими искрами чуждых аур. Но здесь полыхал комок чистого белого пламени, зажатого в тиски физической оболочки.

– Это точно ордынка? – спросил я, открыв глаза.

Существо повернуло голову на мой голос и замерло. Улыбка сошла с её лица, губы беззвучно сложились дудочкой, словно оно силилось повторить мои слова, а потом пленница снова расплылась в улыбке. Вспомнился наивный и придурковатый Буратино из старого Советского фильма.

– Да-а-а, – прошипел Полоз, – ош-ш-шибки быть не мож-ж-жет.

Я поглядел на Дениса, молча стоящего рядом.

– Предлагаю убить. Если это тварь орды, то от неё не может быть ничего хорошего. Помнишь мальчика в лесу, которого мы спасли, он прирезал своего спасителя. Это тоже их уловка, мина замедленного действия. Оно дождётся, когда мы все уснём, и перебьёт.

ФСБшник неспешно провёл ладонью по волосам. Глаза его лихорадочно бегали из стороны в сторону. И наверняка так же лихорадочно скакали его мысли.

– Нет, – выдохнув, произнёс он. – Мы знаем, что это враг. Но мы не знаем её цели. Нужно установить постоянный надзор на случай, если это не убийца, а шпион. Может быть, она даст нам подсказки к замыслам её руководства, вдруг мы

сможем сливать ей дёзу.

– Она? – скрипнул я зубами. – Это тварь орды. Она не девушка и никогда ею не была. Это лишь живой механизм для убийства.

Во мне начинала разгораться злость. Вспомнился Мясник, отрывающий головы людям, вспомнились истерзанные собачьими клыками детские тела, зомби-смертники, вбегающие в толпу со взрывчаткой.

– Это монстр в человеческом облики! Это нужно уничтожить сейчас же!

Все вокруг стояли и смотрели на нас. А тварь улыбалась, положив голову на плечо. Ненавижу! Они убили мою жену. Да, сейчас рядом со мной Александра, но это не значит, что я простил им смерть Анны!

– Если мы используем её в своих целях, это принесёт куда больше пользы, – высказался Денис, – в конце концов, если справимся, ты майора досрочно получишь, а я подполковника. Главное, чтоб у нас не отобрали её вышестоящие органы. Надо всё в секретности пока сохранить. Нужно её взять в оборот и только потом донесение составить, чтоб промашки не вышло.

Он, стало быть, майор. Но это ещё ничего не значит.

– Да к чёрту эти звания, – скривившись, ответил я.

Кисть правой руки сама собой сложилась в фигуру, словно я сжимал невидимый теннисный мячик. По пальцам пробежали белесые разряды, и на ладони вспыхнула яркая ис-

кра, словно вынутая из светодиодного прожектора. Злость помогла оформить энергозаряд, мощности которого хватит, чтоб разорвать в клочья грузовик или спалить дотла одного монстра. Одного конкретного монстра.

– Ты не кипятишься, – раздался хрипловатый голос деда Семёна.

Домовой неспешно вышел между нами, уподобившись магистру Йоде. Он заложил одну руку за спину и кряхтел, словно вся древность тысячелетий навалилась в одночасье на его плечи. Старый хитрец.

– Одному выслужиться хочется, другому жаждется мести, – плавно заговорил словно сказку дед Семён. – Это старо, как мир. Как его... конфликт. А я скажу так. Одному не о чине нужно думать, а как зло перехитрить. И зло ли это. Тогда и дело доброе выйдет, ведь ведомый выгодой, ты будешь видеть перед собой лишь орудие, а не существо разумное. Мало ли таких примеров в истории? Мало ли исковерканных потом судеб было. Не веди себя как ничтожный дьяк в опричнине, мечтающий о власти. Другому нужно гнев смирить. Ну полно те. Враг. И что с того? Не зря закон о пленных придумали. Немчуру после войны тоже не всех поголовно в стране ихней повырезали. Не всяк, кто на врага ликом похож, да кто на его наречии калякает, враг и есть. Будь настороже. Твоя злость поможет в этом, но действуй умно.

– Дед, – произнёс я, перебрасывая пылающую искру с ладони на ладонь, – ты вот зачем вмешиваешься?

– Вам, дурачье, помогаю! – повысил голос домовой. – Вы как подростки! Либо чёрное, либо белое! Ты в любой момент можешь убить её, вот и не торопись! Сам когда-то кичился, мол, не хочу совершать необратимых поступков! Становишься как Шурочкин отец. Скоро оружие на людях испытывать начнёшь и вербовать магов обманом и угрозами? Тыфу! Когда тебя подменили?

– Когда они ей голову оторвали! Ты не видел запись, как это было!

– Не видел! Зато я видел, как моих правнуков половцы на кол сажали, как моих пра-праправнучек печенег насильовали! Видел, и сделать ничего не мог! – сказал дед, а потом голос понизил. – Оторвали. А ты среди мёртвых её видел, когда мы через Навь шли? Нет её там, а эта поможет тебе ответ найти.

Я хмуро смотрел на улыбающееся существо, не понимающее, что сейчас решается её судьба. Сжал искру в кулаке, а потом швырнул в лес, словно мячик. Искра упала в сваленную маленькой кучкой хвою. Сухая хвоя сразу начала тлеть.

– Ага, – хмыкнул дед, – ты ещё ни в чём не повинный муравейник спали. А может, вообще рванёт твоя колдовская граната? Всех камнями посечёт.

Я сложил пальцы щепоткой и быстро их раскрыл, словно стряхивая воду с руки. Искра несколько раз моргнула и погасла, оставив тлеющую хвою.

– Я просто не хочу, чтоб они Александру убили, – тихо

произнёс я.

– Вот и придумай, чтоб все живы были! – подняв палец вверх, произнёс дед.

Он замолчал, начав гладить окладистую серебряную бороду. Глаза его с прищуром уставились на меня.

Я поднял лицо к небу. А оно, оказывается, начало светлеть. Мрак быстро оседал, как грязные сугробы по весне, прячась в кустах. Мрак искал щели и норы, куда можно забиться до конца дня. Мрак таял чёрным инеем на нижней стороне листьев.

Денис отошёл в сторону и что-то говорил в рацию, шипящую и каркающую искажённым голосом в ответ.

Я обернулся и выискал глазами Кирилла.

– Юнга, для тебя есть важная задачка. Никуда не отходишь от этого... от этой особи, всё равно ты не спишь никогда. Возьмёшь сумку новую от противогаза, дашь убежище Полозу. Вдвоём справитесь с пленником. Чуть что, убьёшь. Не ты, так змей.

– ОК, – произнёс лич.

– Что военнослужащий отвечает? – переспросил я.

– Есть, товарищ капитан! – бодро выкрикнул Кирилл. – А как назовём этого метаморфа?

– Марфа, – брякнула молчавшая, как и все остальные в нашей перепалке, Света. – Метомарфа.

– Марфа, так Марфа, – ответил я, глядя, как Денис прицепил метаморфу на руку чуть выше локтя небольшой яр-

ко-оранжевый браслет, а потом озадаченно отошёл от существа.

– Что? – тихо спросил я, разглядывая эту процедуру.

Денис повернул голову, снова посмотрел на меня, а потом указал пальцем на улыбающуюся тварь.

– Это нам раздавали на всякий случай. Блокирует передачу ментального сигнала от эмиссара к конечному исполнителю и обратно.

– И? – тихо протянул я, чувствуя, что что-то пошло не так.

– Браслет имитирует пустой сигнал, и от этого псы становятся не активнее овоща. Совсем как после лоботомии, ну простейшие рефлексy, минимум агрессии, никакой мотивации. Псы и кабаны – просто марионетки, что-то вроде болванчиков на дистанционном управлении. Их много ловили, изучали. А это автономная особь. Это что-то новое.

Он замолчал, пожевал недолго губу и продолжил.

– Она хотя бы не сможет информацию передавать, а запись исходящего сигнала мы потом отдадим аналитикам.

– А если это снимет браслет? – переспросил я, обернувшись.

К нам лёгкой трусцой бежал командир разведывательной роты, с ним мы недавно за драконом ходили. Кевларовый шлем, который он приторочил к левому краю разгрузки на уровне ключицы, слегка болтался, и его приходилось придерживать рукой. Поверх маскировочного халата были нацеплены наколенники и налокотники из состава комплекта

«Ратник». Заметна хорошая физическая подготовка, так как бронежилет и автомат совершенно не мешали его бегу. Мне бы пришлось активировать облегчающие заклинания.

– Если снять браслет или попытаться сломать, он начинает дико верещать. Такое не заметить нельзя, – после паузы ответил Денис.

Когда разведчик остановился, ФСБшник сразу показал пальцем на метаморфа.

– Я тебя попрошу, назначь несколько пар для постоянной слежки за этим объектом. Ближе сорока метров без необходимости не приближаться. По необходимости придётся поднять всё подразделение по тревоге.

Разведчик с любопытством поглядел на тварь орды.

– А кто она? Что-то не выглядит опасной.

– Предположительно, она диверсант противника. Возможности неясны, если это так, то на ближней дистанции этот объект может уложить целый взвод в виде филе. Личному составу скажи, что опасный лесной дух, чтоб не нервничали, – произнёс Денис, достав сигарету из слегка помятой пачки.

– Ну, у меня другие задачи. Патрулирование внешнего периметра. С меня их никто не снимал, – высказал разведчик, скривив лицо и ковырнув носком армейского ботинка землю под ногами.

– Я поговорю с командиром. Ситуация экстраординарная, думаю, он даст добро.

– И это, – продолжил разведчик. – Тимон и Пумба пропали.

Денис замер с открытым ртом, а потом достал блокнот и несколькими штрихами сделал заметку на листе.

– Разберёмся, – ответил он.

Разведдозор, почти бессмертный Кирилл и древний Полоз. Неплохая связка, они не дадут друг другу спасовать. Но этого мало. Они не видели, на что способен Мясник, и в том, что два молодых мага пропали не без помощи этой твари, я почти не сомневался. Я приподнял руку. С ладони сорвалась пчела, неспешно подлетев к твари и сев на макушку Иванчая. Существо сразу присело на корточки и стало присматриваться к фантому. А потом осторожно двумя руками взяло пчелу, так, что ладони сомкнулись на насекомом.

Ну же, дёрни за крылышки. И я не виноват буду. Она сама.

Но сущность в облинии девочки-подростка раскрыла ладони и стала рассматривать гудящую пчелу с каким-то детским восторгом и любопытством. Я вздохнул. Не судьба.

Я ещё раз вздохнул и повернул голову, чтоб уставиться на нечто непонятное.

– Секретность, говорите. Коту под хвост ваша секретность, – с усмешкой сорвалось с губ.

Денис повернулся и проследил мой взгляд. На светлеющей поляне недалёко от нас огромная трёхголовая крыса расстилала большое полотнище на раскладном столе, рядом с которым уже был воткнут в землю широкий пляжный зонт.

Подбежавший к нам командир разведроты тоже обернулся на это чудо, а потом прищурился.

– К хренам такие мороки, – громко произнёс он, – только дразнятся почём зря. Там крысята из сундука сигареты и минералку выкладывают.

– Тогда пойдёмте к этому мороку.

– Что с ним не так? – напряжённо уточнил Денис.

– А то, что это не морок, и то, что я его знаю.

Мы все вместе шагнули к ларьку, в том числе Кирилл, волоты и Володя со Светой. Они всё то время, что мы спорили, перешёптывались, но не вмешивались.

Чем ближе мы подходили, тем оживлённее начинали суетиться крысы. Жирный крысиный король, походивший по размерам больше на небольшого кабанчика, чем на грызуна, нервно шевелил усами. С нашим приближением подслеповатый трёхголовый принялся всеми носами, а потом вскинул толстые лапы.

– А-а-а, Посрединник! – вскрикнул он писклявым голосом, поправляя пачки с печеньем на скатерти.

– Ты что здесь делаешь? – сходу я начал у него выпытывать.

Красные глазки грызуна-альбиноса блестели живыми искорками. Денис с вытянутым лицом взирает на это чудо.

– Я тут на торжище пришёл. Ваш покровитель объявил, что рынок нужен. Ну, я откликнулся, тем более, что курево и всякие вкусности вашим бойцам нужны. А у меня даже

можно по карточке рассчитаться.

– Как ты сюда попал? – прошептал Денис.

– Ну как, – начал крыс, – как вся нечисть, через туман. Я постучался, меня и пустили на эту землю. Я честный предприниматель. ИП «Соблазень». Вот. Лицензия есть, – с гордостью заявил он. – Это только начало, я потом могу вообще торговый терем поставить, если пойдёт. У меня в Новониколаевске своя мельница и хлебопекарня. Вы не подумайте, что я крыса, санитарный режим соблюдаю.

По скривившемуся лицу ФСБшника, я понял, что головной боли к их работе прибавилось. Ну, это они пускай с Яробором общаются, он тут супертаможня. Оставив побагровевшего Дениса наедине с нечеловеческим торговцем, я отошёл в сторону. Разведчик со смешком крикнул, а потом догнал меня.

– Занятный тип. Эта, а почему он тебя Посрединником назвал?

– Да было дело. В замес между богами попал, – отмахнулся я.

Крыс был не один. Из обычного не колдовского тумана, стелющегося на поляне, проступили ещё три ларька. Но их обладателей я не знал.

– Канцтовары, – прочитал вслух и уставился на большой изукрашенный гжелью стол.

С той стороны на большой подставке, словно чучело глухаря, сидела дева-птица. Тело, действительно схожее с глуха-

риным, огромное, под стать человеческому, и девичья голова с вполне смазливой мордашкой. Волосы собраны в толстую русую косу, а чёлку прихватывал кожный ободок. Дева-птица, внимательно и молчаливо за нами наблюдая, неспешно расправила крылья, в которых было не менее четырёх метров в размахе.

– Что-нибудь брать будете? – мелодично спросила она, переступив когтистыми лапами на своей опоре.

Я машинально опустил голову на карандаши, фломастеры и пачки с бумагой.

– Мы, эта, только посмотреть, – буркнул дежурную фразу растерянный разведчик.

Дева-птица улыбнулась. Из-под прилавка выскочила ярко-рыжая белка и суетливо положила на пустое место мохнатыми лапками упаковку ластиков, чтобы тут же убежать к коробкам.

– Колоритные личности, – вздохнув, произнёс я.

– На том и стоим, – ответила продавщица с лёгкой улыбкой. – На торжище ведь не только за товаром ходят, но и себя показать, людей посмотреть.

Я кивнул и шагнул дальше. Логика в этом имелась, и если Яробор пустил их на свою землю, то не стоит разводить историю, тем более всё это относительно положительные сущности.

Пройдя ещё десяток шагов, я остановился у трёх столов, составленных в один ряд. На столах лежали в аккуратных

жестяных коробочках гвозди, шурупы, электроды и прочее. Были даже подковы. А из-за стола хмуро глядели на меня бородатые коротышки ростом не больше, чем мне по колено. Крепыши стояли на высоких лавках, одетые в подпоясанные рубахи, полосатые штаны и сапоги с отворотами. На каждом кожаный кузнечный фартук.

А за коротышками неподвижно возвышался огромный деревянный истукан ростом два с лишним метра, и как говорится, поперёк себя шире. Он был обит фигурным железом и держал двухпудовый кузнечный молот.

– Это что, гномы? – ухмыльнулся разведчик.

Я тоже улыбнулся, сходство неимоверное, если есть славянские гномы. Не слышал, правда, про таких.

– Мы не гномы, – неожиданно басовито произнёс один, зло сверкнув синими глазами. – Ещё раз так брякнешь, мы тебя молотком брякнем.

– Не. Ну, похоже, ведь... – опешил разведчик от такого отпора.

– Стрбгановцы мы, – ответил начальник артели.

– Это как? – спросил я, разглядывая торговцев.

Их более чем невысокий рост в совокупности с пышными русыми, рыжими и чёрными бородами по контрасту со здоровенным големом казался забавным.

– Что, как? А вот так. Были мы мастеровыми на железном заводе у промышленников Стрбгановых. Завод сгорел вместе с нами. Кто ж знал, что нежитью станем.

– А что с ростом?

– Тебе смешно? А домовой ваш тоже не шибко высок.

Я ухмыльнулся и перешёл к следующему месту, вздрогнув, когда под крики Кирилла: «Стой! Не убегай!» к столу с железяками подскочил метаморф орды.

– Что тебе, красна девица, надобно? – спросил уральский гном-строгановец, поглаживая бороду и разглядывая обнажённое создание.

А метаморф, блестя любопытными глазами, перебирал железяки. Что-то было в ней от Ольхи. Та же дикая непосредственность, та же текучая живость. Только при встрече с Ольхой я не знал, что делать, не знал, как себя вести, и видел лишь голодного ребёнка, а это именно враг, враг лютый, заклятый.

Сам того не заметив, я остановился у большой таблички на вбитой в землю палке, где был прикреплён обычный заламинированный лист бумаги с распечаткой. Табличка гласила: «Восемь ноль-ноль», «двенадцать ноль-ноль», «шестнадцать ноль-ноль» и «двадцать ноль-ноль».

На владельца таблички пришлось взирать снизу вверх. Огромная туша, покрытая бурой, как у медведя, шерстью, сидела в позе лотоса. Из одежды на шестируком существе имелась только большая светоотражающая жилетка оранжевого цвета. Голова с хоботом, громадными изогнутыми бивнями и небольшими ушами медленно моргала карими глазами с длинными ресницами, а в могучих лёгких время от

времени рождался низкий сильный не то гул, не то рёв, граничащий с инфразвуком по диапазону. Если бы у индийского бога-слона был сибирский кузен, то выглядел он именно так. Шестирукий человекоподобный мамонт.

– Едрить через коромысло, – буркнул разведчик, всё ещё бродящий рядом. – А это кто?

– Цена-а-а, договорна-а-ая, – утробно протянул мамонт, – ре-е-ейсы в го-о-ород через тума-а-ан. К метро-о-о «Алый проспе-е-ект».

Перевозчик глубоко вздохнул и замолчал, не утруждаясь больше никакими пояснениями. И так всё ясно. Это вместо рейсового автобуса.

Сзади с рёвом на поляну выскочил УАЗик. Взвизгнув тормозами, он встал рядом с нами. Из громко хлопнувшей двери выскочил, блестя красными от недосыпа глазами, злой, как цепная собака, начальник штаба, а следом затравленный командир комендантского взвода.

– Щукин, нна, эту хрень, нна, – начал подполковник Захаров, едва сдерживаясь от того, чтоб перейти на отборную брань, – к вечеру, ить, огородить колючей проволокой. То же мне, нна, устроили вертеп. Возьмёшь у инженера, нна. И КПП поставь. Разогнать бы всех вас к хренам.

Он плюнул под ноги, а потом перевёл взгляд на метаморфа.

– А это что за шалавёнка, нна, из стриптиз-бара съе... сбежавшая? Мало мне, что ли, одной, на хрен?

Существо неспешно подошло к узику и провело кончиками пальцев по блестящей фаре, а потом улыбнулось от уха до уха. Оно приблизилось к подполковнику, так, что между ними осталось два шага и, наклонив голову, стало рассматривать его. Я стиснул кулак, по которому с лёгким треском пробежали разряды. Я был готов ударить при любом признаке агрессии, но существо опять улыбнулось и, развернувшись, пошло к мамонту.

– Это? – переспросил я, оглянувшись на тварь орды, вспомнив при этом про слова Дениса о секретности и погасив заготовку боевого заклинания, – Марфа. Дух лесной. Дикая она.

– Сразу видно, что дикая. Что делать с ней будете?

– Воспитывать, – ответил я.

Глава 5. Яробор и подковёрная возня

Через большое окно в горницу падал ранний свет, витая яркими пылинками в воздухе. Солнце роняло свои лучи на ровненькие, подогнанные досочки, устилающие пол, на белёные стены, на пахнущую дымом печь и стол.

В углу щёлкал кнопками по дощечке Андрюша, отчего рисунки на цветастом зеркале-мониторе быстро сменяли друг друга. Он время от времени оборачивался, думая, что хозяин заимки может что-то не видеть в собственном доме, и глядел некую социальную страницу, как сие называлось, где мелькали имена его друзей и матери. Подросток писал им коротенькие записки, а после нетерпеливо ждал ответа.

Бывший стражник Антон сидел в углу большой горницы, положив на колени ноутбук, и остервенело водил пальцем по чувственной плашке с такой злой рожей, словно взаправду мог кого убить. Яробор раз заглядывал узнать, чем он там занимается. Оказывается, он руководил нарисованной самоходной телегой, окованной обильно железом, и пущавшей ядра из длинной пушки в такие же телеги, зовущиеся ласково Таньками, видать, по имени той Татьяны, что придумала сию безделицу. Не по нраву эта забава пришлась Яробору. Нет, не то, что Антон ныне бездельничал, а сама забава с

рисованными телегами. То ли дело город новый, огромный, интересный, полный всяких новшеств, к коим ещё привыкать и привыкать.

— Я с вояками общался, — проговорил Антон, не поднимая глаз, — там сетуют, что из-за тебя люди погибли.

— Кто? — негромко переспросил Яробор, вздёрнув бровь.

— Два чародея из новеньких пропали.

— Клевещут. Никого я не убил, — отмахнулся он, недовольно скривившись. — Мало ли чего понапридумывают людишки.

— Ты барьер снял, лазутчики орды проникли. Мы всё-таки на войне.

— А, — отмахнулся Яробор, — пустое. Это не моя война, а людская.

Антон на некоторое время замер, а потом снова стал биться с нарисованным врагом, на что Яробор ухмыльнулся, думая, что никогда никто о нем не переживал, и ему самому не след переживать. Даже из-за смертей. Людской век и так короток, чтоб ему ещё счёт по пальцам вести. Одни умрут, другие народятся.

Лучик солнца чуток сдвинулся и упал Лугоше на лицо. Девчурка, спавшая на широкой, укрытой серой овчиной лавке, поморщилась и поджала ноги. Яробор ласково поправил сбившийся платок и положил ладонь на её голову. Девчурка, одетая в домашнее серенькое платье длиной до коленок, мерно и спокойно задышала.

Четыре сотни лет они вместе. Четыре сотни лет назад выгнали Лугошу на болото её же родичи. Хотели принести в жертву. Лесному божеству принести.

Когда буря миров сдула колдовство с этого мира, всяк дух попрятался, а кто не смог, тот сдох. Яробор же потихоньку лишился рассудка, капля за каплей становясь тем зверем, которым был в самом начале своего бытия. Деревня людская, что стала прибежищем прятавшихся от гонений князя Владимира, поклонялась ему. Яробор не сильно радел о деревенских, а как разум совсем на грань угасания встал, стал охотиться на них, аки медведь-шатун.

Хозяин заимки тоскливо вздохнул. Давно это было. Давно.

Жертву ему и раньше приносили. Не впервой это случилось. Бродит, бывало, по ночному лесу девица, слёзы роняет, о пощаде молит, а лесное чудище рыскает рядом, рычит неистово, гонит несчастную в самую чащобу, где потом вырвут у неё сердце да оросят обильно кровью полусгнивший столб со своим ликом.

А тут диво дивное, стоит предо ним дева бесстрашная с серыми, как вода, глазами да в ярком венке из белых цветов и молвит: «Не трóне них». И молила она о пощаде не для себя, но для своих убийцев, что её долг таков умереть, но сберечь остальных. В тот миг Яробору показалось, что он узрел ту грань человечности, которой была противна алчность и злоба, лесть и зависть. Чистейшая душа.

Четыре сотни лет она одна лишь помогала не угаснуть огню разума лесного бога в пучине дикости и беспричинной ярости.

Яробор улыбнулся и погладил спящую девушку, утопшую в болотине. Он вспомнил, как вырвал хребет той болотной твари, что затащила Лугошу в трясину, а потом рыдал над бездыханным телом. И словно кто сжалился над ним, обратив ту в духа ручья. А может, Лугоша сама не смогла уйти за кромку. Деревенские потом подошли все, как один, от морова поветрия, но тут ничьей вины нет. Сами они.

– Андрюшка, – тихо позвал Яробор дьяка, узрев, что тот быстро щёлкнул клавицами, прежде чем повернулся. – Что пишут люди обо мне?

Паренёк тоскливо глянул на экран.

– Ничего толкового. Ты же не в городе, а в глухомани.

– Ой, брешешь, – протянул Яробор, – молви как есть. Я же чую ложь, и нечего от меня скрывать правду.

– Да так, – нехотя ответил парень, – Есть несколько комментариев. Говорят, есть болотный даун, который, сидя в кустах, от натуги пугает всех своим кряхтением. А ещё говорят, ты ети.

– Кто ети? – нахмурившись, спросил Яробор, – Опять эти неведомые тролли пишут брехню.

Ему представились те духи камня, что у поморов на голых островах живут в морозном море.

«Дурные они, – думал Яробор, – и на язык длинные. Пой-

мать бы одного, да подвесить за этот язык над медленным огнём, чтоб пятки поджарить».

Яробор второго дня с одним долго бранился, так их ещё больше слетелось, как падалыщиков на тушу дохлого лося. И грызутся меж собой, подобно псам шелудивым за кость. Хозяин заимки сперва чуть экран не расшиб со злобы, а потом понял, что глупо это, не надобно уподобляться тем упырям зазеркалья. Не по чести это.

– Ети, это лесной человек, типа обезьяны, – поёжившись, ответил Андрюша.

– Не видели они, стало быть, лесных людей, – пожал Яробор плечами. – А дауны это кто?

– Юродивые, – ещё сильнее сгорбившись, промолвил дьяк.

– Сами они юродивые. Ты так и напиши, – со вздохом произнёс хозяин дома. – Эх, надобно к мóрам с просьбой идти. Пока одного на кол не посадишь в назидание другим, как дохлую ворону на верёвочке не подвесишь, чтоб остальные не каркали, не угомонятся. Что ещё молвят? Что в мире делается?

– Орда на железнодорожный эшелон напала. Отбили только половину состава, остальную в хлам разграбили. Больше всего пострадали системы залпового огня. Но самое интересное, что они два вагона со стрелковым оружием и боеприпасами умыкнули в этой каше. Там, наверное, военные волосы на себе рвут.

– Ха! Ещё бы, – усмехнулся Яробор. – Всё это добро против них же и обернётся. Я бы тоже землю рыл через каждую сажень, чтоб схрон найти.

С кухни раздались звонкие крики, а потом в горницу вскочила Настька, жена электричества мастера. Она в негодовании стискивала в кулаках полотенце и силилась что-то сказать, да только слов не находила.

Яробор в недоумении уставился на неё. И даже Антон с Андрюшей оторвались от светлых зеркал мониторных.

– Вот, паразит, – наконец выдавила женщина из себя, – с утра уже нажрался. Где он её берет-то. Лес же кругом. Думала, тут трезвым будет, так нет же, и здесь бухать умудряется, падла.

– Тихо, женщина, – отозвался Яробор на такую пылкую речь, – найдём, откуда он горькую берёт. Ежели с рынка таскает, запрещу ему продавать, а ежели у стрельцов, то воеводе наказ дам.

– Здесь рынок есть? – оживилась Настька.

– Есть тепереча, – ответил Яробор и встал с лавки, а потом услышал стук в дверь.

Лесной бог повёл бровью, и дверь отворилась, чтоб заставить его нахмуриться. На пороге стояли три дюжих молодца в странных алых шапках и с чёрными повязками на руках с большими белыми буквами.

– Что надобно? – зло спросил хозяин у непрошенных гостей.

А те долго смотрели на лесного бога, не решаясь заговорить, а потом старшой всё же нашёл смелость, обернувшись на своих подчинённых.

– Начальник отдела военной полиции майор Ежов, – заговорил он, – нам информация пришла, что вы обвиняемого в убийстве прикрываете. По электронке скинули приказ оказать помощь следствию.

Вояка осторожно протянул грамоту, в которой был некий указ. Весь с печатями и росчерками пера знатных столичных воевод и судей.

Ярбор прочёл, а потом нахмурился, и спиной почувствовал, как забежал глазами Антон, думая сорваться с места и прыгнуть в окно, да в лес податься. Дурной. Там либо болотины его прикончат, либо твари разные.

– И что? – надменно спросил Ярбор, заставив красных шапок переглянуться.

– Нам бы его задержать.

– В тёмную бросите? – спросил хозяин, ухмыльнувшись, а когда пришлое переглянулись, добавил, не поворачиваясь: – Собирайся.

– Как же так? – недоумённо протянул Антон, он явно не хотел в кандалы и колодки.

– Не бойсь, вызволим, – зловеще улыбнувшись, ответил Ярбор. – Есть задумка, но сейчас с ними иди, а то скажут, что я деспот и самодур.

– А разве не так? – едва слышно донёсся голос Настьки

с кухни.

– Цыц! – рявкнул лесной бог.

Антон неспешно и понуро встал, закрыл крышку ноутбука и вышел на крыльцо, где ему на руки одели железные кандалы. Ему всё же не верилось в слова о вырубке.

Яробор снова сел на лавку, зло улыбаясь. Забавную хитрость он сейчас придумал. После этого и стража к Антону более не придёт, и он сам отсюда в город вовек не денется. Так думал хозяин заимки, а в дверь снова постучали. Робко-робко.

Яробор нахмурился. Шибко много гостей на это утро.

Дверь снова отворилась, заставив хозяина терема вско-чить и броситься к порогу.

– Опять ты? – проревел он на вжавшего в плечи голову попá. – Прочь, куда цел!

Поп подобрался, нахмурился, осенил себя крестом, и тяжело дыша, поднял очи. Он видно ждал, что леший растает дымом, аки проклятый. А вот накуси выкуси.

Яробор зло подался вперёд, и глаза его стали жёлтыми, а зрачки тонкими щёлочками, аки у дикого зверя. Сие всегда жуть нагоняло на людей, и Яробор таким приёмом пользовался без зазрения совести. Поп тут же вздрогнул и побледнел, но всё же остался торчать молчаливым столбиком на досках крыльца.

– Все есть царствие его, – произнёс он наконец, – не боюсь я тебя, чудище нечистое. И слова демоницы тут ни при чём.

– Царствие? Что-то его шавки совсем распоясались втихую, в чужой дом вламываются и хозяевам жизнь портят, – рявкнул хозяин терема.

– Как смеешь ты так говорить?

Яробор раскрыл ладонь, и на столе позади него щёлкнул крышкой ларец, после чего в руку прыгнула грамота с печатью.

– Обучен грамоте? – прорычал хозяин заимки. – Читай. Сие есть земля Яробора. Карта прилагается. Видишь? Мне разрешено чудеса творить на этой земле неограниченно и иметь жрецов числом три. Видишь? Я не безумный демон. Я все чин по чину делаю, чтоб от вас дурных подвоха не было, а ты моё право нарушаешь! Что ж ты в Китай не подался с тамошними бодаться, или в Индию? А в Африке так и вовсе у каждого племени свой божок, иди, сей свою веру там, ежели неймётся.

– Господь всё видит, – не унимался поп, хмуро понизив голос.

– Великий Род, коего вы на разный лад кличете то Небесным Императором, то Аллахом, то безымянным господином, не любопытствуется такими мелочами, как два муравья меж собой кусаться вздумали. Он глядит, чтоб весь муравейник не спалили, да не разорили. У него к каждому народу свои надзиратели приставлены, и с них он спрос берёт, а не с ка́жного человечка. Пшёл прочь, пока я тебя в бесконечную очередь на суд небесный не отправил.

– Не уйду. Я со всеми вами нечистыми бороться буду, – снова повысил голос поп, чуть не разбудив Лугошу.

– Борись. Там, за дверью, борись, – буркнул Яробор.

– Я отправлю тебя в ад, откуда ты выполз!

– Я никогда не был в аду, даун, – ответил лесовик, вспомнив новомодное словечко, – а чуть не попал из-за тебя. Знаешь, что могло со мной стать за убийство ангела?

– Какого ангела? – опешил поп, изменившись в лице.

Он, видать, совсем не ожидал такого поворота событий, аж ещё более побелел и глазками забегал.

– Так ты не знаешь? – протянул Яробор, зловеще улыбнувшись, – и грамоту ты не читал, и про ангела не ведаешь. Ты сам себя в дураках выставил. За тебя ангел вступился, и из-за тебя я его чуть не убил. Я не человек, и это мне по силам, да только потом придут за мной, как за Антоном, или спустят с цепи хранителя смерти бессмертных. Впрочем, его и спускать не надобно, сам все цепи порвёт и кинется.

– А ангел кто? – шагнул вперёд поп, а Яробор выставил вперёд ладонь и легко толкнул того назад, не желая впускать в дом.

– Мучайся, – усмехнулся хозяин заимки, – он всё равно тебе не откроется, а я знаю. А не откроется, ибо они помнят ещё дикую охоту на ведьм, что учинили от их имени в своё время. Столько невинных сожгли, потопили, да на куски порубали. Им стыдно за вас.

Поп, было, шагнул снова, но над лесом протяжно поднял-

ся истошный громкий вой, а вскоре прокатился многоголовый гром среди ясного неба. Он громыхал и громыхал, ему вторил другой гром, что доносился издали.

Яробор оттолкнул попа и вышел на крыльцо, глядя на огненный вихрь.

С громким рёвом над деревьями взлетало дымное и горящее железо, уносящееся к горизонту, чтоб пламенем пасть на землю. Там, за тридевять вёрст, разорванный в клочья лес запылывал пожарищем.

– Андрюшка, что это? – резко обернувшись, спросил Яробор у дьяка.

– «Грады» работают, – ответил тот, – ну, реактивные системы залпового огня. Учения идут, или скопление орды с беспилотников увидели.

Хозяин лесной заимки промолчал, снова поглядев на зарево. Уж и забыл он, что война идёт. Хотя и не его эта война была, а оторопь взяла от тех вещей, что людишки понапридумывали. Уже и верилось в то, что огонь они могут источать, который целые города в пепел обращает. Верилось.

Глава 6. Чужие пейзажи

Время шло, а я сидел и смотрел на взмывающие в небо сполохи «Градов». Они уходили вдаль, неся разрушение и смерть тому врагу, которого даже не видно отсюда. Не зря говорят, что артиллерия – бог войны. Я усмехнулся. Есть старые боги в лице Сварога, Перуна, Велеса и рожаниц, что стояли подле Рода в момент сотворения нашей Земли, есть новые боги, рождённые силами природы уже при памяти людей, а есть сверхновые боги, созданные руками человека. Хотя, это будет неверно звать бездушные железяки богами, ведь они лишь инструмент в руках людских. Сверхновый бог – это само человечество, выползшее из пещер, сбросившее с себя оковы земного притяжения, покорившее иные миры, чуждые хрупкой оболочке двуногой обезьяны. Человек, расправив руки, прыгнул из стратосферы, опустился в глубины океана, ступил на Луну. Человек заставил нули и единицы думать, и вот-вот создаст цифровую душу. Человек меняет облик планеты, а его творения покинули пределы Солнечной системы.

И отделил он воду от тверди, поставив на пути рек плотины ГЭС. И разделил он твердь небесную от тверди земной, создав плотную завесу из искусственных спутников. Да будет свет, сказал он, и ночные города вспыхнули миллиардами ламп, продлевая день.

Он даже способен создать собственную звезду. Термоядерную.

Правда, человечество – это странный бог, который не может прийти к единому мнению и постоянно мечется во внутренней борьбе своего коллективного разума.

Я вздохнул и опустил голову на листочки очередных документов, которые шевелил слабый утренний ветер, заставляющий поёжиться от свежести. Я думал, буду дальше настоящим боевым магом, а потихоньку превращаюсь в бумажного. Методики обучения, отчёты по применению магических спецсредств, заявки, рапорта, конспекты, планы подготовки планов. Я начинал ненавидеть авторучку и белые бланки, прижатые сейчас к столешнице пистолетом, чтоб не улетели. Собирай их потом по всему лесу. Благо секретных документов не было.

Неподалёку от нас строгановцы, те, которые совсем не гномы, ваяли непонятную конструкцию, состоящую из металлических уголков, гнутых на наковальне, разрезанных автогеном и сваренных электродуговой сваркой. Двое коротышек работали небольшими шлифовальными машинками, счищая швы. Третий бил небольшим молоточком по раскалённой железяке, что лежала на наковальне. Железку держал длинными щипцами тот самый деревянный голем, которого они притащили с собой. Неживое создание казалось ретрофутуристическим роботом, монотонно махающим неподъёмным для человека молотом. Выглаженная поверхность ма-

гического помощника играла годичными кольцами старого кедра, а поверх них крепились железные завитки. Металл узорov потемнел от времени и стал похож на причудливые татуировки в стиле уральских мастеров. Вместо глаз прицеплены два больших круглых малахита в такой же оправе, что и драгоценные камни на перстнях. Из деревянных сочленений громылы едва заметно сочилась жёлтая смазка, похожая на обычный литол.

Работяги получил какой-то заказ. Мастер бил молоточком. И здоровенный, почти двух с половиной метров голем ронял тяжёлый молот следом. Тик-тик. Бам! Тик-тик. Бам!

Рядом со мной сидела Александра. Она почему-то последнее время была сама не своя, замкнутая. Когда я пытался расспрашивать, то она лишь отвечала, что всё нормально.

– Ты своих пчёл дорабатывать будешь? – спросила она, глядя, как одно такое насекомое ползало по краю столешницы.

Девушка сидела на раскладной зелёной табуретке, вытянув ноги и зажав между коленями ладони.

– Что с ними не так? – спросил я, поглядев на Шурочку.

– Ты обещался с них мёд стясти, – проговорила Всевидающая, ещё сильнее опустив голову.

– Сейчас других проблем хватает, – ответил я.

– Ты сам знаешь, что древние сущности очень сильно цепляются к словам, а ты обещался, – поддев носком ботинка ножку стола, парировала Александра.

Она явно была не в духе.

– Я пробовал, но они не могут воск делать. Это химия, а химия не по части колдовства.

– У тебя пчёлы ненастоящие, пусть и воск ненастоящий будет. Пусть из полиэтилена соты делают, – она ухмыльнулась, – чтоб сразу в пакетиках мёд был.

Я скривился.

– В принципе можно. Нагреть, расплавить и стерилизовать. Мёд нужно ещё ферментировать.

– Это к берегине. Наверняка найдётся что-нибудь, – ответила Александра, указав кивком на небольшую палатку со слабо шевелящимся на невысоком флагштоке белым полотнищем с красным крестом.

– И третье, – продолжил я, – они не могут нектар собрать. Цветы словно специально его не отдают. Не иначе, этот придурок психованный постарался.

– А ты сомневался? Но ты же всё можешь, если захочешь. Придумай.

Я кивнул и посмотрел на тренировочную поляну. Со стороны открывалась забавная картина. Взвод волков, экипированный по полной выкладке и с автоматами в руках, вглядывались в траву, словно мышкующие лисицы. Глаза жадно пожирали миниатюрные фигурки бойцов,двигающихся по иллюзорной местности. Уши ловили каждый шорох, а между ними ходила Ангелина, с заносчивым и поучительным тоном ведя лекцию по тактике взвода. А издали за всем этим с

усмешкой наблюдала пара разведчиков, устроившись в тени дерева. Один сидел на хвое, положив на колени автомат, а второй подпирал спиной шершавый красноватый ствол.

— ...А потом короткими перебежками от укрытия к укрытию. Двигаться двумя группами. Одна прикрывает, другая перемещается. Затем смена!

Кто-то из волков легко дёрнулся вправо, а потом влево, примеряя на себя роль.

— Пулемётчик прикрывает сзади! — рывкнула Ангелина.

Волкудлак с ПКМ рухнул в траву, изготавившись к стрельбе.

— Маг прикрывает! Где маг, твою мать?! Кирилл, хватит ворон считать, никуда эта Марфа не денется.

Я встал из-за стола и потянулся. Ангелина тоже была сама не своя, постоянно бегая к раненой полуднице. Её как подменили, чуть что, а она уже там. Сейчас занятие кончится, и сорвётся туда со всех ног.

— Сделаю пасеку ядерных пчёл, — протянул я, а потом напругся.

К моему столу подбежал метаморф. Тварь, всё так же улыбаясь от уха до уха, сжимала в руках пачку цветных карандашей, купленных Кириллом в канцелярской лавке. Существо потянулось за чистыми листами, а потом замерло, уставившись на пистолет. Секундой спустя оно его схватило, быстро положив на его место карандаши. Я выставил вперёд руку, готовый создать щит. А метаморф нахмурился и стал рас-

смаатривать оружие, как маленький ребёнок, разглядывающий кубик Рубика.

Неужели оно настолько глупо? Неужели оно действительно как ребёнок?

Я тряхнул головой, отгоняя мысли. Это враг, который просто ждёт, когда мы расслабимся.

Метаморф прикусил губу, а потом снял пистолет с предохранителя, заставив моё сердце биться быстрее. Я ждал, когда оно направит оружие в мою сторону. Тогда можно с чистой совестью его прикончить. Но метаморф без какой-либо заминки вынул из оружия магазин, а потом патроны, быстро щёлкая под тонкими пальцами, стали падать в траву. Тварь разрядила пистолет, а потом ловко его разобрала, оставив на краю стола.

Вот тебе и ребёнок. Оно разумно, просто прикидывается дурачком.

Метаморф снова взял карандаши и стал быстро-быстро чиркать по бумаге. Под цветными стерженьками рождался рисунок, достойный профессионального художника. Словно кто фотографию положил на оконное стекло, а потом перерисовал её. На белом листе проявился лес, кунг, стол, и мы за ним. Мы – это печальная Шурочка и напряжённый я, сидящий с авторучкой в руке и склонившийся к документу.

Оно за несколько секунд довершило эскиз, отложив в сторону, и сразу принялось за следующий. На этот раз на нем возник отнюдь не земной пейзаж. Две луны на густом фио-

летовом небе, алое большое солнце, чёрные как уголь деревья, похожие на пальмы, бамбук и сосны. Всё это вперемешку. Красивый, но совершенно чужой вид.

Опять рисунок. Большое дерево, и множество мелких чёрных, как листья чужого растения, созданий, свисающих с ветвей, подобно безглазым ленивцам. Их было очень много, ютящихся боками друг к другу, и почему-то казалось, что все они наблюдают за тем, кто держит этот рисунок. Наблюдают с безмерным любопытством.

Я внимательно глядел на это. Я не понимал. Может, мы ошиблись, и это не враг? Может, я зря психую? Я не понимал.

Следующий рисунок расставил всё по местам. Тонкая фигурка метаморфа, изображённая человеческим подростком, гордо стояла на фоне огромного земного дуба, а за его спиной виднелись два Мясника, возвышавшиеся над этим созданием на две головы. Кого-кого, а этих существей я узнаю всегда. Оно – враг, и в этом не осталось теперь никаких сомнений. Просто чужая логика нелепо пытается внедрить чужака в наши ряды.

– Воздух! – прокричала Ангелина, и я подскочил с места, выискивая какую-нибудь летающую тварь, но моя помощница тут же прокричала. – Отбой! Медленно. Слишком медленно!

Я плюнул под ноги. С такими тренировками самому параноиком можно стать.

Зашипела рация.

– Книжник, книжник, зайди в кубышку.

Это мой позывной, и дежурный по пункту управления требовал, чтоб я зашёл в секретную часть. Я со вздохом посмотрел на кучу служебной макулатуры, сложил её в папку, и глянул на Александру.

– Я пойду.

Она молча кивнула. Я заметил слёзы в уголках невидящих глаз.

– Что случилось? – тихо спросил я, рассматривая покрасневшее лицо девушки.

Она покачала головой.

– Слушай, – продолжил я. – Это из-за меня? Чем я тебя обидел?

– Это не ты, – наконец выдавила она из себя, – просто... не надо. Не сейчас.

Я вздохнул. Александра встала с места и подошла ко мне, чтобы обнять.

– Ты меня любишь? – прошептала она на ухо дрогнувшим голосом.

Я почувствовал, как слёзы упали на мою щеку.

– Да, – тихо ответил я, а потом легонько поцеловал в уголок губ.

– Иди. Там тебя ждут, – улыбнувшись и вытерев рукой блестящие глаза, произнесла Шурочка, слегка толкнув меня ладонью, – я всё равно рядом с тобой. Ты же знаешь.

Я улыбнулся, кивнул и направился к нужному месту, ломая голову над всеми этими незадачами.

– Вспышка справа! – раздался крик Ангелины.

Я остановился и обернулся. Огромный призрачный ядерный гриб медленно поднимался на двухметровую высоту. Волки, задорно рывкнув, попадали ничком. Одновременно с этим на землю рухнул метаморф. Я в первый раз увидел на лице создания испуг, даже ужас. Оно упало на колени, низко пригнулось, обхватило руками голову и со сдавленным плачем начало раскачиваться из стороны в сторону.

Я опять тряхнул головой. Я не понимал эту тварь. Она слишком чужая. Даже аура отличалась от земных существ и духов настолько, что прочесть что-либо, кроме мерного пульсирующего сияния, было невозможно. Существо не поднимаясь доползло на четвереньках до стола и спряталось под ним. Это всё вызывало недоумение.

До секретки я дошёл быстро. Боец, узнав меня, вытянулся по струнке. Это был тот самый, что проворонил ондатра с листком от секретной книги.

Я вошёл в кунг, поднявшись по металлическим ступенькам.

– А-а-а, захады друг! – с деланным кавказским акцентом произнёс начальник службы защиты гостайны.

Он сидел за столом и подписывал какие-то документы, которые ему подкладывали в красную папку секретчицы. Девушки дружно поздоровались и дальше продолжили переби-

рать кодограммы и прочие документы с нулями перед регистрационным номером.

– По радийке передали, – угрюмо произнёс я, начав разговор, – что нужен.

– Да-да, – весело блеснув глазами, ответил начальник СЗГТ, – тут тебе две телеграммки пришли. Обе нехорошие. Даже не знаю, какая хуже.

Я поднял взор, молча ожидая продолжения.

– Тебе нужно прочесать район, где наши засекли стоянку орды. К тому же в долгосрочной перспективе нужно поймать живьём одного орка и одного дроу.

– Кого? – тихо переспросил я.

– Дроу. Так решили официально именовать тёмных эльфов. А то тёмный эльф в эфире – это долго произносится. А так орк, дроу. Коротко и ёмко. Начальство беспокоится, что таких созданий никогда не было. Это вообще фантазия писателей, а тут хоп, и взаправду. Там длинный перечень сопутствующих мероприятий.

Он положил желтоватый лист на сканер, согнув его так, чтоб часть документа не была видна на копии, нажал на зелёную кнопку. Обклеенный голограммными наклейками копир загудел и выбросил белый листок. Начальник секретки быстро пробежался по тексту, потом ножницами отрезал ещё снизу, отправив клочок в заурчавший уничтожитель. На бумажке быстро разместился штампик ДСП. Для служебного пользования, не секретно.

– Потом считаешь, – сунул майор Шаповалов листок и реестр на получение. – Не забудь себе в опись внести. А второе, это приезжает проверка через три дня. Говорят, этот тебя не сильно любит.

– Фамилию не знаешь? – уныло спросил я, гадая, о ком могла быть речь.

– Белый или Белин. Как-то так, – ответил Иван, пожав плечами и взяв очередной лист.

– Белкин, – поправил я его, а потом скривился. – Он меня кровопийцей называет.

– Это за что?

– Личное, – отмахнулся я.

– Хорошо. Тогда тебе из леса лучше не возвращаться. Дождёшься его отъезда и вернёшься.

– Если вернусь, – буркнул я, вставая с места.

Шаповалов достал из небольшого шкафчика коробку конфет, банку дорогого кофе, а потом пшикнул одеколоном.

– Вах! Я тебя праважу! – снова с карикатурным акцентом произнёс он.

– Ты к Ангелине? – уточнил я, усмехнувшись на пороге. – Дохлый номер.

– Кто не рискует, тот не пьёт шампанского с девушками, – произнёс он, выталкивая меня со ступенек.

До моего района дошли мы так же быстро. Он всё это время травил анекдоты, явно пребывая в приподнятом настроении.

– Ну, где она? – шёпотом спросил он, когда приблизились к месту размещения нашей группы.

Я кивком указал на палатку с импровизированным медпунктом для колдунов и нечисти.

Шаповалов повёл плечами, собираясь к решительным действиям, я на всякий случай последовал за ним. Мало ли. Вдруг выручать потребует. Ангелина может ему и шею свернуть, и порчу наложить, даром, что относится к потенциально безгрешным существам.

Когда зашли, то с лица Ивана медленно спала улыбка, а у меня наоборот губы растянулись от уха до уха.

Ангелина стояла у больничной койки, где лежала Яра. Она лежала и тихо сопела, а вторая, закрыв глаза, держала её за руку и тоскливо улыбалась. Стоило нам зайти, как Яра, которой было значительно лучше, проснулась и с блаженным выражением лица уткнулась в ладони моей хранительницы.

– Светлячок, – тихо произнесла она.

Ангелина наоборот медленно встала, глупо потупив взор.

– Да-а-а, – протянул со вздохом Шаповалов. – Неловко получилось.

Он шагнул к кровати, положил в ноги связистке конфеты и кофе.

– Выздоровливайте, – понуро буркнул он и вышел прочь.

Я проводил его взглядом, а когда полог палатки лёг на место, повернулся к действующим лицам.

– Это не то, что вы подумали, – тихо донеслось из-под

одеяла.

– Я всё правильно понял, – глубоко вдохнув и на секунду задержав дыхание, ответил я. – Лесбы потусторонние.

– Мы не лесбиянки, – ответила Ангелина.

– Я бы на твоём месте сказал, что да. Это лучше, чем трезвонить на весь мир, что в лагере ангел под прикрытием, которому не нужны мужские ухаживания просто потому, что она не человек. И лишних гостей отвадим.

– Не смешно, – тихо ответила Ангелина. – Она единственная, кто вступился за меня в неравной битве. Это очень много стоит.

– А я?

– Ты тоже. Но меня за тобой закрепили, и я должна быть с тобой рядом, а она сама. Тысячи лет мне никто руки не протягивал. Тысячи лет одиночества, и тут появился вот такой солнечный котёнок.

Я вздохнул и ехидно ухмыльнулся.

– Да ладно уж. Но я всё же скажу, что ты лесба. Так проще списать твои странности, – ответил я и вышел из палатки, чтоб столкнуться с метаморфом.

Существо горько улыбалось и протягивало мне очередной рисунок. Я осторожно взял его.

На белом листе была изображена тонкая чёрная фигурка, резким контуром бросающая длинную тень. Фигурка стояла на коленях и прикрывалась руками от чего-то, словно от яркого-яркого света. А рядом таяли две изломанные фигурки

Мясников.

Я снова потрянул головой. Стоило решить одну загадку, как пришла другая.

– Не мешай, – буркнул я. – Мне ещё твоих ублюдочных сородичей ловить.

Глава 7. Иди туда, не знаю, куда, найди то, не знаю, что

Возле жилого кунга я сел на траву, сжимая в руках листок с копией той телеграммы. Белкина я сейчас не хотел видеть совершенно, и уж лучше действительно податься в лес и рыскать там, выискивая следы неведомых существей. Потому как, если полковник начнёт опять опускать меня ниже плинтуса, то я ему точно какую-нибудь гадость устрою, да так, что он до самой пенсии плевать будет. А если начнёт наезжать из-за Шурочки, то размажу по поляне и уйду в дремучий лес, пусть ищут потом среди нечистой силы, уж там-то я как свой.

Я прислушался к звукам с поляны. Чего-то там не хватало и чего-то прибавилось. Это заставило меня с кряхтением встать и отправиться посмотреть. Поднявшись, я отряхнул штаны на пятой точке и пробежался взглядом по ботинкам. Один шнурок развязался, и его надо было завязать. Сначала я сложил пальцы щепотью, готовый применить телекинез, а потом вспомнил слова Александры, мол, руками слабо, что ли? Правда, тогда требовалось не завязать шнурки, а наоборот, развязать, причём на платье Всевидящей. Я улыбнулся, вспомнив забавный момент, это было словно в прошлом веке, хотя на самом деле совсем недавно.

По поляне кружились пчёлы, которых я на всякий случай заставил сторожить метаморфа, они очень натурально имитировали полёт от цветка к цветку, отчего казалось, что они настоящие. Метаморф ходил за Кириллом, лич вместо того, чтоб сторожить, резался с Володей в магическую игру. Маленькие красноармейцы бродили среди крошечных деревьев и расстреливали скачущих монстров. На эту игру подсели даже волкудлаки, только они сильно тупили, не в состоянии управляться с иллюзиями на том уровне, что и люди. Они бесились и психовали, норовя помочь себе не только игровыми приёмами, но и лапами. Один даже пытался выстрелить из автомата в маленького врага, но Первый Клык вовремя рывкнул на него, заставив поджать хвост и уши.

Метаморф, широко улыбаясь, тискал большую рыжую кошку, нервно дёргающую хвостом. Когда Ольхе это надоело, она стала превращаться в человека. Черты тела лесавки размазались, как акварель под дождём, и потекли. Дрожащие контуры обозначили обнажённую детскую фигурку, которая повисла на руках у шпиона орды, схваченная поперёк тела. Ольга встrepенулась и, нечленораздельно зарывав, упёрлась в грудь метаморфа и ногами в землю. Вражеское существо разжало руки, и лесавка отлетела к кунгу. Впрочем, кошка она и есть кошка. Ольга вывернулась в воздухе и, едва коснувшись земли кончиками пальцев, взмыла вверх, заскочив на крышу. Там она несколько секунд смотрела на свою обидчицу, а потом улеглась и закрыла глаза.

Я посмотрел на метаморфа. Я не понимал. Это точно враг, но ведёт он себя глупо, откровенно по-детски, может, это отвлекающий манёвр? Может, оно должно дождаться наших слабостей? Не знаю.

Я сел на раскладной стул и перевернул листок, расстелив его на коленях. Мелькнула сделанная от руки надпись: «Начальник службы магического обеспечения, к исполнению». А сама телеграмма гласила: «За текущий месяц участились случаи боевых столкновений с объектами, классифицируемыми как орки и дроу. В ходе анализа столкновений выявлен ряд закономерностей. Так, орки активно применяют стрелковое оружие, захваченное в ходе предыдущих боёв. Отличаются крайне высокой слаженностью действий, отсутствием признаков страха перед смертью, активно взаимодействуют с типовыми объектами орды, являясь подразделениями второго эшелона и исполнителями действий, аналогичных специальным операциям наших Вооружённых Сил. Объекты типа дроу крайне скрытны, действуют преимущественно из засады, либо при подавляющем превосходстве своих сил. Хитры, изобретательны, применяют весь доступный человеку спектр оружия. Замечены признаки применения штатных средств наших боевых магов, в том числе до этого засекреченных, либо находящихся в стадии разработки. Трижды отмечен факт проведения спасательных операций, в ходе которых противник не считался с потерями остальных боевых ресурсов. В одном случае отмечено вмешательство эmissара в

открытое боестолкновение при попытке захвата дроу. Один раз отмечен факт уничтожения тела убитого дроу. В связи с этим предполагается вывод, что дроу для Чёрной орды представляют исключительную ценность, возможно, именно они являются теми силами, что стоят за вторжением. На основании вышеизложенного приказываю: провести поисковые операции по сбору информации о вышеуказанных объектах. При возможности произвести захват живыми для изучения».

Я отложил бумагу. Глаза снова пробежались по поляне, но как-то рассеянно. Я думал обо всём этом. Кого брать с собой на эту операцию?

Тем временем на игровом поле развивалось активное действие, игроки бегали, собирали трофеи, бились с исчадиями зла.

– А у меня гранаты противотанковые! – орал Кирилл, оже-сточённо размахивая волшебной палочкой. – Как раз для демона в руинах электроподстанции! И ещё коктейля Молотова пара бутылок!

– Не-не-нет, – тихо заикаясь, отвечал ему Володя, руководя своей разношёрстной гильдией, – я е-е-его противотэ-тэ-танковым руж-ж-жьём хлопну. Вы е-е-его сдержите чу-чуть. Во-во-волки его в ближнем ба-ба-баю рвать будут.

Я улыбнулся. Не так я себе раньше представлял мёртвого колдуна. В книжках это исчадие зла, готовое уничтожить мир. Прямо Саурон, или даже призрак Гитлера с дивизией

СС, вернувшейся из ада, но передо мной был просто подросток, и он хотел жить. Жить, как и все его сверстники, которым повезло родиться и вырасти в семьях. Это даже не беспризорник. Это выброшенный на помойку щенок, бегающий и виляющий хвостом, надеясь, что его погладят. Вспомнился тот молодой оборотень. Он был такой же брошенный и отвергнутый.

К слову, тела разведчиков нам не отдали. Кирилл очень переживал по этому поводу, а Оксана сказала, что даст номерочки знакомых в нескольких моргах, там подберём что-нибудь подходящее. Парень огрызнулся, что трупы для него не игрушки, каждый становится частью его самого.

Я подошёл и легонько провёл пальцами по чернявой голове. Кирилл не ответил. Но и не стал отшатываться.

Может, не зря я дал ему свою фамилию. Вырастим из него не озлобленного зверька с подворотни, а сына полка.

– Ты останься здесь, – тихо произнёс я.

– Где здесь? – повернувшись, спросил лич, думая об игре, – я в рейд иду. Там опыта больше дают.

– На поляне, – ответил я, заметив, как сверкнул глазами Володя.

Он сразу смекнул, о чём речь, не зря мы прошли вместе ад.

– Ты со своим отрядом войдёшь в состав расчёта ЗСУ-23-2, которую нам дали для компенсации недостаточной огневой мощи. Нужно учить математику и материаль-

ную часть, но фантомы-инструкторы помогут. Волоты пусть ящики таскают с боеприпасами. Большему я их не обучу пока. И ты за этой тварью поглядывай.

– А что за Марфой глядеть. Она мирная, – отмахнулся Кирилл.

– Нет, – строго произнёс я, – она не изучена. Она чужая. Она вообще чужая. Ты должен за ней следить. И за Шурочкой. С вами ещё Мягкая Тьма будет. Так что, вы мой надёжный тыл.

Я обернулся по сторонам.

– А что эти, которые не гномы, сидят без дела?

– У н-н-них кто-то купил всё. Они да-да-даже голема прод-д-дали, – отведя маленькое войско на какой-то безопасный пятачок, ответил Володя. – В лес? – тут же спросил он.

Я кивнул. Первый клык тоже замер, наострив уши. Он не зря был вожаком стаи, имея чутьё на события, отменное даже для этих сверхъестественных хищников.

– Ух ты! – воскликнул Кирилл, – а я?

– Юнга! Ты полезен здесь, – пафосно произнёс я. – Как в этой игре, каждому своя роль, чтоб гильдия процветала.

– Есть, товарищ капитан! – громко выкрикнул Кирилл и вернулся к своему персонажу.

– Володя, – тихо позвал я, – попробуй строгановцев по-вербовать. Может получится. Нам мастера нужны. Выпрошу мастерскую «летучку». Парни с золотыми руками.

– Да-да-доиграю рейд, потом па-па-подойду к ним.

– Не тороплю. Это несрочная задача, – ответил я, шагнув к палатке с больными.

Изнутри раздавались громкие голоса. Их владельцы оживлённо о чём-то спорили. Я отодвинул полог и заглянул, не спеша заходить. Ангелина и Яра нашлись спокойно сидящими на своих местах. Полудница на кровати, уже почти полностью здоровая, и только имитирующая тяжёлую болезнь. А Ангелина сидела подле на стульчике, держа девочку за руку.

Зато ругались два других члена моего отряда.

Дед Семён стоял на печке и орал во всё горло, словно при пожаре, а на него тихо огрызалась берегиня.

– Ты, ить, зачем, курица бестолковая, туда лезла?! – кипел в негодовании домовой.

Сложно было представить, что могло вывести спокойного деда из равновесия.

– Да ладно, всего-то чуть-чуть.

– Чуть-чуть?! Это чуть-чуть называется?! Воровка! Где такое теперь найдёшь?

– Не надо истерики, – прикрыв веки, отвечала Медуница.

– Истерики?! Да я придушу сейчас тебя! – орал дед пуще прежнего.

– Что за священная война? – осторожно спросил я, проникая в пространство палатки.

Под ногами скрипнули деревянные настилы, лежащие под

брезентовым полом. Матерчатые окна были открыты, и в маленькое помещение проникал свежий воздух.

– Это не Медуница! – сразу закричал дед, указав пальцами на берегиню. – Это Медовуха. Она у меня весь запас спирту вытаскала.

– Там было-то чуть-чуть. И это на медицинские цели, – парировала берегиня, потупив взор и слегка шатнувшись.

– Чуть-чуть, – снова пошёл негодованием домовой, – пять литров чистого спирту. Ты его выжрала, алкашка. А коньяк восьми лет выдержки, тоже на медицинские цели?

– Ну да. Я ж медик, значит и цели медицинские.

– А ещё она у меня тридцать пачек мыла дегтярного упёрла, и хлорки полкило, и пятнадцать банок тушёнки!

– А что, я должна была стерилизацию инструмента без закуси делать?

– Какого инструмента, пьянь?

– Да тебе что, жалко, что ли? – слегка качнувшись, переспросила Медуница.

Я только сейчас заметил, что она еле держится на ногах. Была бы человеком, давно умерла от такой дозы, но она тоже потусторонняя сущность, хоть и обладала плотным физическим телом.

– Так! – повысил я голос. – Спать!

– Я не умею, – ухмыльнувшись, ответила Медуница. – И мне ещё у всех анализ крови собрать надо.

– Мне без разницы. Через час ты трезвая! А то понасоби-

решь анализы, врагов не надо будет.

– Будет исполнено, – пожала плечами берегиня, схватившись рукой за блестящую дужку армейской кровати.

– Ангелина! Оторвись, наконец, от больной! – повысил я голос, – утихомирь эту отморозочку.

Моя хранительница, вздохнув, встал с табурета и подошла к берегине, возвышаясь над той на две головы.

А я не стал ждать развязки событий и пошёл в кунг. Осторожно взобравшись по металлическим ступеням, подобрался к Александре, спавшей на дальней нижней полке. Она накинула на себя тонкую серую простыню из комплекта армейского спальника.

Я сел на край полки. Шурочка бормотала во сне. Она редко бормотала, но если это делала, то что-то предстояло. В прошлый раз она чуяла боль Тика, но не смогла понять, что это. Потом чуяла безумного демона, готовившего месть другому сверхъестественному, но при этом готового подорвать термобарическими зарядами целый квартал. Тогда удалось поймать тварь. Теперь новая порция бормотания.

Если в первом случае это было короткое: «Больно», а во втором: «Сожгу! Сожгу дотла!», то сейчас речь была вообще неразборчивой.

Но в отличие от тех раз Шурочка мягко улыбалась, обхватив себя руками и сжавшись калачиком, как младенец, а по щекам текли слёзы. Слёзы вперемежку с улыбкой.

Я положил свою руку на её ладонь. Александра вздрогну-

ла и проснулась, правда глаз не открыла.

– Что стряслось? – тихо спросил я.

Шурочка всхлипнула, но не ответила.

Я вздохнул, устав от этих загадок. Может, рейд в лес открывает часть этой тайны?

– Там тебя ждут, – тихо произнесла она, вытерев рукой глаза.

– Где?

– За дверью.

Я кивнул и вышел. Прямо перед входом стояла демонесса, одетая в багровое платье с глубоким декольте. Я осторожно огляделся. В глаза бросились Сорокин, которого трясло при виде этой княжны преисподней, и Кирилл, пускающий слюни, как озабоченный подросток при виде полуголой женщины. С некой смешанной растерянностью издали наблюдали разведчики, а волки, напротив, не сильно обращали на эту особу внимания.

Рядом с демонессой стояла, заложив руки за спину, голу-боглазая девчурка с короткой стрижкой и в розовом сарафанчике. Девочка стояла, глупо улыбаясь, словно была на наркотиках. Я видел такое. Это продавшая душу. Она находится в полной рабской зависимости от демона. Демон может приказать отгрызть себе руку, и продавшая душу сделает это с улыбкой. Я помню, как другой продавший душу держал голыми руками перед этой адской сущностью алюминиевый котелок с кипятком, глядя на свою госпожу с восхи-

щением. Помню зомбированного Володю, которого еле-еле удалось выручить из плена беса.

– Что тебе надо? – осторожно спросил я, посмотрев на демонессу.

Та широко улыбнулась и заговорила бархатным голосом.

– Я просто хочу, чтобы ты, если что, защитил это невинное дитя, если кое-кто решит выпотрошить его на алтаре. Ты же не дашь убить дитя?

Я промолчал, стараясь разобраться, что к чему. Не просто так она пришла и задаёт вопросы с подковыркой.

– Что тебе надо? – наконец, повторил я.

– Как тебе это создание? – ласково посмотрев на ребёнка, спросила Лилитурани-Пепельный-Цветок.

– Симпатичная девочка, – осторожно произнёс я, переводя взгляд то на демонессу, то на её жертву.

Та потрепала светлые волосы подростка.

– Да, хороший мальчик. И он будет всей душой у нас влюблён в другого мальчика.

Я услышал, как хихикнул Кирилл, а обернувшись, увидел, как у Володи вытянулось лицо. Наверное, и у меня тоже. Заставлять кого-то любить? Да ещё так?

Со стороны леска донеслось, как один из разведчиков зацокал языком, а второй смачно сплюнул.

– Зачем? – только и процедил я.

– Хочу сделать приятное одному человеку, – ответила демонесса, – но ведь ты же заступишься за ребёнка?

Я стоял и смотрел на этих особ. У меня не было никакого желания разбираться с непонятной проблемой потусторонних склок. Я думал о том, как поймать орка и дроу.

Глава 8. Яробор и выкрутасы

Яробор стоял посреди терема, сложив руки на груди, и поглядывал на Лугошу, сидящую за столом. А девица подгребла к себе большую корзину со снедью и с любопытством разбирала сложенные там фрукты. Вскоре она достала большой жёлтый стручок, а потом откусила от него.

– Гадость, – скривилась ручейница, выплюнув мякоть в небольшое ведёрко, стоящее рядом на полу.

Ведёрко было полно разноцветных ярких бумажек, в которые заворачивали сладкие кусочки, именуемые конфетами, их накупили в городе в изобилии и за чаем уминали за обе щеки. Поседень так вообще целую охапку не разворачивая стрескал, закрывая лакомство от всех широкими когтистыми лапами и рыча на анчуток, что тоже хотели исподтишка полакомиться. Такие кусочки Яробор с удовольствием ел, запивая горьковатым, но благовонным кофеем.

– Андрюшка, – позвала девчонка дядя, сидевшего за столом и тыкающего в кнопки. А тот вообще замкнулся в своих думах, и его приходилось постоянно подбадривать, чтоб совсем не пал духом. – Как сие кличут?

Отрок с тоскливым выражением лица повернулся и глянул на надкусанный стручок.

– Это банан. Его, вообще-то, чистить надо.

– Я думала сперва, это горох такой заморский, громадный.

Но там мыло внутри вместо гороха. Думала с кожей йисть надо. Более не буду йисть сию гадость. Мне более понравились большие сладкие огурцы с красной мякотью и вот эти багряные плоды. Кожица толстая, но там изнутри костяника целыми гроздьями. Сочная, спелая.

– Гранаты, что ли? – опять спросил Андрюшка, тихонько усмехнувшись.

– Нет. Я гранаты видела, – отозвалась ручейница. – Гранаты – это у стрельцов горшки с порохом. Я же не дура.

Андрюша первый раз за день широко улыбнулся. Даже Яробор усмехнулся. Он уже давно понял, что язык русский шибко поменялся за последние века, и чем дальше, тем больше меняется.

«Ничего, – думал он, – обвыкнемся, не зря же я дьяка в дом впустил. Я за ним поглядываю, учусь потихоньку, стоя за спиной, на ус мотаю. Что-то нравится, что-то нет, но новый мир окружает нас со всех сторон, а прошлым жить не след».

Яробор даже понял, что в энтернете всё не то, чем называют. Охальников да зубоскалов – троллями, незнакомцев – анонимами, сиречь безымянными, а презабавное слово «имхо», схоже со мхами либо мехами, вообще, гласило о смиренном писании, но там такие смиренные пишут, что на кол охота посадить. То ли дело в старину. Бухнутся в ноги и молвят: «Не вели казнить, вели слово молвить». Вот это есть истинное смирение.

Яробор стоял и слушал эту беседу, а Лугоша добралась до

большого ярко-жёлтого плода. Хозяину леса уже доводилось такие отведывать, так что он улыбнулся, ожидая, что далече будет.

– Это цо такое? – снова бодро спросила ручейница, вертя плод в тонких пальчиках.

– Лимон, – уже не совсем понуро ответил отрок, ожидая, что дальше.

Он даже перестал посматривать на чирикающий компьютер.

– А как его йить? Он твёрдый, – не унималась Лугоша, крутя плод в руках.

Андрюша смолчал, а Яробор повёл ладонью, и лимон рассыпался на ровные круглые дольки. Ручейница сначала поглядела на своего дядьку, а потом подняла одну, с которой по пальцам побежали капли прозрачного сока.

– Вкусно пахнут, – сказала она и откусила.

Все замерли.

Девушка скривилась, дёрнула головой, словно её ужалила в губу пчела, и бросила жёлтую дольку на стол.

Яробор при виде этого расхохотался, да так, что из-за печи вылезли три мордочки с пуговками-глазами. Андрюша их называл альфа, бета и гамма-частицами, говорил, что они такие же всепроникающие, как рентген какой-то, видимо, дух неизвестный.

Внутри лесного бога было весело и тепло. Ему осталось только выручить Антона из тёмной, и тогда всё хорошо да

лепо будет. И сие откладывать не надобно, не то уволокут его в стольный град, где сложнее вернуть стражника-отступника.

«Уж коли принял его под свою руку, – думал Яробор, – то и ответ мне держать».

Он вытянул ладонь, и с гвоздя на стене сорвалась медвежья шкура, коей он постоянно укрывал плечи. Скакнула следом небольшая шапка-колпак из чёрного войлока, подбитая алым шёлком. Скакнул и небольшой холщовый узелок, который особливо для этой нужды он собрал. Ничего хитрого в нём не было, только нужные тряпицы.

Дверь предо хозяином торопливо открылась, и он шагнул на крыльцо, широко потянувшись.

– Андрюшка, – зычно закричал Яробор, стоя на крыльце и уперев руки в боки, – подь со мной!

– Куда? – вываливаясь на свет и щурясь, спросил отрок.

Он бы и вовсе корни пустил у компьютера, если его не проветривать.

– Куда-куда. Учить тебя буду.

– Уму-разуму? – ехидно спросил дьяк, поглядывая на поляну.

Он заправлял рубаху в синие портки, именуемые джинсами. Ткань хорошая на них, да синяя краска дорогая в старую бытность была, и потому Яробор из чистого озорства на торжище в городе такие же себе купил. Долго и привередливо выбирал, прежде чем нашёл те, что по нраву пришлись.

Цвета вечернего тёмного неба с петельками, в которые потом вставил новенький кожаный ремень с золочёною пряжкой. Купил и белоснежную рубаху, которую подпоясал по старинному обычаю алым шёлковым поясом. Купец на торжище сперва долго совал шейную тряпицу – галстук, говоря, что без него идти куда-либо – прошлый век. Яробор спорить не стал и купил их десяток разных цветов да кинул в сундук про запас, авось сгодятся.

Над поляной летали бабочки, и разносился щебет птиц. Крест, воткнутый попом, за ночь подгрызли бобры, отчего тот упал плашмя в жёлтую стружку, словно срубленная дровосеками берёза.

«А что, – ехидно думал Яробор, – я тут ни при чём, это звери дикие. Но ежели поп хочет на этой земле что-то поставить, пусть сам придёт да испросит. Он, поди, на ангела уповать будет, да только дуракам на ангелов уповать тоже глупость есть. Ангелы, они тоже дураков через ноги учат. Так что помехи не будет. Умные, они эти, как их там, саммиты, устраивают, застолья то бишь. За хмельным мёдом и яствами умные речи ведут, друг друга обхитрить пытаются, а этот сразу пришёл да орать начал, к адским тварям причислять стал».

– Здравствуйте, – раздался сбоку звонкий голос, заставивший Яробора повернуться и нахмуриться.

Рядом стояла тощая девочка лет пятнадцати с по-мальчишески коротко стриженными волосами, едва достающими

до плеч, в обрезанных до середины бедра портах, что шортами кличут и футболке со стекляшками блестящими. Грудь невелика, да туга, или подклала она что-то, как все девки делают, в заботах о красе своей. В ушах серьги серебряные небольшие вдеты. Такой бы косу отрастить, как полагается, лепа была. Яробор уже перестал плевать при виде простоволосых девок и баб в мужских портах, да ещё таких срамных. Мир сменился, и такое позором перестало считаться. Есть слово заморское для этого даже. Мода.

– Чего тебе? – спросил хозяин заимки, рассматривая это создание.

Не видел он, чтоб сия особа под стену проходила.

– Я к айтишнику вашему, – ответила девица, скромно улыбнувшись, – он в компах шарит, а у меня андроид глючит.

– Чего? – переспросил хозяин и посмотрел на Андрюшу.

Вот он точно всё понял, а Яробор ни слова, хотя радовался, что освоил современный говор.

– Ну, планшет глючит, – повторила девица.

Дьяк стрелял глазами то на хозяина терема, то на гостью, малость подтянувшись и покрывшись румянцем. Сразу видно, что девица ему приглянулась.

– Оставайся, – с ухмылкой махнув рукой, ответил лесной бог и шагнул в туман, открывшийся прямо у крыльца.

Вот только отправился он не к этим красным шапкам, коих военной полицией кличут, а в лес. Ведь изготовиться нуж-

но. Хотел он дьяка к тёмным чарам приспособить, показать древнее колдовство, да неподходящий час, видно.

Яробор вышел из тумана на небольшой поляне с выворотнем большого кедра. Дерево давно уже подгнило, рассыпаясь трухой, но не оно интересовало. Интересен был тот, кто обитал под корнями этого дерева. Обитатель этот совершенно нелюдим, и Яробор давно к нему приглядывался, думая, как приспособить, а тут такой случай подвернулся.

Яробор шагнул к выворотню и посмотрел на сложенные подстилкой грубые ветви и существо, свернувшееся калачиком меж корней. Древняя нежить блеснула на гостя блеклыми глазами, равнодушно, словно гость был скорее явлением природы, нежели хозяином этого леса.

– Встань, – брезгливо произнёс Яробор, но тварь лишь моргнула, сгоняя мошку с глаза.

Ему было всё равно. Он умер в незапамятные времена, но иной мир не принял, и Бледнец, как Яробор сам для себя стал его называть, коротал вечность то под деревом, то в брошенной берлоге, а то и просто в сырой ямке. Хищные звери обходили его стороной, то ли брезгуя, то ли боясь. Даже падальщики не находили в этой сущности ничего интересного. И казалось, что если начнут растаскивать по костям, то он лишь будет ворочаться и вяло шевелить руками и ногами, словно тот диковинный зверь, коего ленивцем кличут.

– Да что с тобой разговаривать, – пробурчал Яробор и просто ухватил Бледнеца за руку и поднял над землёй.

Мертвяк ещё раз постно моргнул и остался висеть чучелом несуразным.

– Мда-а-а, – снова задумчиво протянул хозяин леса, а потом опять шагнул в туман, увлакивая Бледнеца с собой.

Появление Яробора не осталось незамеченным. Как только он ступил на траву рядом с небольшими коробами на колёсах, которые приспособили вместо острога и стражницей, из двери сразу показался детина в красной шапке, что беретом кличут, и с чёрной повязкой на руке. Он глянул на прибывшего и тут же скрылся. А после на свет вышел тот самый начальник, что пленил Антона. Он резво соскочил по железным ступеням и встал перед гостем, как говорится, как лист перед травой. Начальник смотрел то на Яробора, то на бледное голое создание, что неуклюжим увальнем пыталось встать на непослушных ногах.

– Начальник отдела военной полиции майор Ежов, – зататорил тот, представляясь и поправляя перекинутую через плечо лямку скорострельной пищали.

– А то я не знаю, – негромко прорычал Яробор, сверля опричника глазами. – Мне к моему жрецу надобно.

– Не положено, – после некоторой заминки ответил Ежов, начав нервно теревить край казённого кафтана.

– И что ты сделаешь, если я всё же пойду? – зло произнёс лесной бог, подавшись вперёд, – руками меня держать будешь? Из пищалей стрелять? Только посмей. Я тебя по всей поляне размажу.

Яробор стоял, скрипя зубами. Не хотелось ему ломать всю эту конуру. «Я хозяин, а не тать ночной, – думал он. – Пусть сами замки отворяют. Здесь всё моё».

– Только я с вами, – всполошился Ежов.

– Да куда ты денешься, – ухмыльнулся Яробор, – веди!

Стражник сорвался с места и подбежал к будке на колёсах, став сразу ковыряться ключом в большом амбарном замке. Ключи не подходили, и Ежов во всю глотку заорал: «Дежурный!»

Из конуры сразу выбежал давешний детина и принёс ещё одну связку. После некоторых усилий замок поддался и щёлкнул. Дверь распахнулась.

– Антошка! – заорал Яробор, вглядываясь в полутьму тесной конуры. – Подь сюды, добрый молодец!

В проёме появился хмурый, как висельник на эшафоте, бывший стражник. Он стоял и глядел на лесного бога, словно на предателя, которому доверил всю свою душу, а тот в ответ пырнул ножом в спину.

– Спускайся, – продолжил Яробор и подтолкнул к амбару Бледнеца, так, что тот чуть не упал на траву.

– Вы что хотите? – тихо спросил Ежов, зырая на всех исподлобья и предчувствуя неприятности.

– А то и хочу, – буркнул Яробор, а после развернулся и взял Бледнеца за горло.

Мертвяк не сопротивлялся, стоя смирно и отрешённо. Хозяин заимки поглядел коротко на Антона, а потом снова пе-

ревёл взгляд на существо. А после начал колдовать.

Захрустели кости и хрящи. От этого звука вздрогнули люди, а Яробор довольно улыбнулся, в то время как лицо давно погибшего бедолаги начало мелкими рывками меняться. Скулы становились шире, челюсть чуть массивнее, губы тоньше. Глаза сменили цвет с мутных бледных комков на яркую синь. Нос стал уже. Да и сама фигура тоже преображалась. Антон был на полголовы выше этого трупа и шире в плечах, посему ворожбе приходилось подтягивать Бледнеца вверх.

Стоящие рядом опричники побледнели. Такого колдовства они не видели, несмотря на то, что жили в городе старых богов. Ведь это не превращение всяких зверушек и жаб в нужные создания.

«Я ведь не кто-то там, а божество, пусть и не высшего полёту», – думал Яробор, поглядывая на опричников.

Когда преображение закончилось, а Бледнец стал близнецом Антона, лесной бог бросил своему помощнику узелок.

– Одевай его.

– Это как? – переспросил парень.

– Каком кверху! Как детей переодевают или старцев немощных?

Антон развязал узел. На траву упала одежда. Парень ватными руками поднял её и стал напяливать на стоящего мертвеца, заставляя того то ногу поднимать, отчего Бледнец чуть не падал навзничь, то руку задрать.

Вскоре переодёжа завершилась.

– Слушайте, так не положено, – вдруг заерепенился Ежов, сверля взглядом мертвеца.

– Что не положено? – огрызнулся Яробор. – У тебя душегуб есть? Есть. Вот и исполняй долг. Стереги его.

– Это не тот.

Хозяин заимки закрыл глаза и со вздохом потёр переносицу. Этот опричник начинал его бесить. Просто бесить.

«Ведь какая ему разница? – думал Яробор. – Антон не его друга, свата и кума пришиб. Уж проще было бы грохнуть всех этих бойцов во главе с Ежовым, разломать тюрьму и вызволить Антона. Просто и без всяких затей. Встарь так бы и сделал. Нет же, решил поиграть в добрячка. Скоро, глядишь, забуду хруст позвоночника, предсмертные крики ужа-са загоняемой двуногой дичи, вкус людской крови на губах».

Хозяин заимки тряхнул головой, отгоняя такие мысли, открыл глаза и уставился на Бледнеца. Его руки сами собой взяли безвольного мертвяка за плечи и развернули того лицом к лесу.

– Беги, – шлёпнув ладонью по спине, произнёс Яробор, но умертвие так и осталось стоять юродивым безумцем.

Одним словом, даун. Слышно было, как с облегчением выдохнул Ежов, да зря, он ещё не знал всей задумки.

Яробор приподнял руку и шевельнул пальцем. В то же мгновение звонко хрустнула кость, и детина, коего Ежов кликал дежурным, заорал и рухнул на траву держась за ногу.

Ткань чуть ниже колена потемнела от крови.

– Вы что делаете?! – закричал опричник, испуганно схватившись за пищаль, но это и нужно было.

Яробор снова шевельнул пальцами. Пищаль дёрнулась в руках Ежова, несмотря на то, что он пытался её удержать, а потом со всего размаху ударила, ломая нос и рассекая бровь прикладом.

Ежов схватился за лицо обеими ладонями, а пищаль осталась висеть в воздухе, направив свой ствол на Бледнеца. Яробор видел, как из неё стреляли ранее, вот и сейчас плохо подчиняемое лесному богу железо клацнуло рычажком предохранителя, и лязгнуло затвором. Мудрёные слова, но лесной бог уже знал их.

Пищаль загромыхла взхлёб, роняя гильзы в траву. Пули рвали слегка подрагивающего мертвяка, разбрызгивая розовую полупрозрачную сукровицу по всей поляне.

Когда пищаль перестала стрелять, Бледнец всё ещё стоял на ногах, и тогда Яробор ударил сам. Ударил кулаком и ударил своей колдовской силой. Юродивую куклу смело, словно тараном. Он несколько раз перекувырнулся, поднимая клочья вырванной травы, а потом врезался в ствол сосны, стоящей неподалёку. Даже это не убило его, а Яробор улыбнулся, разглядывая нежить.

«Сие теперь не моя забота, – думал он. – Пусть опричник с нежитью мучается. Хотя, что с ним мучиться? Смирный он. Пять тысяч лет смирный. Не думаю, что изменится».

– Он бежать пытался, – зло пробурчал лесной бог, повернувшись к опричникам, – вы его пытались убить. Вякните что-то по-другому, станете такими же. Понятно?

Боец стонал на земле, а Ежов таращился во все глаза, держась ладонями за лицо. Сквозь пальцы обильно текла кровь.

– Понятно?! – взревел Яробор, и опричник несколько раз кивнул, попятившись назад. – Ну и ладненько. А теперь домой.

Хозяин заимки схватил за шиворот Антона, бледного, как давешний мертвец, и шагнул в туман, в то же мгновение оставшись стоять перед крыльцом. А там были и все остальные домочадцы.

– Ненавижу! – встретил прибывших истошный крик Анрюши, – Я вас всех ненавижу! – орал он, размазывая слёзы по лицу. – Я думал сбегу от всех здесь, а вы снова! Ненавижу!

Парень бросился в сторону, вырвавшись у пытавшегося его остановить электрика. Давешняя девчушка бросилась за ним вслед.

– Андрей, не убегай, давай поговорим.

– Не подходи ко мне, тварь! – ещё громче заорал отрок, развернувшись на ходу и выставив перед собой руки.

Он даже не остановился, десяток шагов пятясь задом, а потом повернулся и прибавил шаг.

– Что стряслось? – хмуро спросил Яробор, глядя на это зрелище.

– Дядька, представь себе, то не девка, а парень, – загово-

рила Лугоша. – Одет как девка. Срам-то какой.

Яробор ошарашенно сделал несколько шагов и сел на крыльцо. Вот эта незадача будет для него посложнее, чем выволить Антона из темницы.

«Надо думать. Надо очень хорошо подумать, дабы не наломать дров и не ударить в грязь лицом», – вертелось у него в голове.

Глава 9. Миссия невыполнима

Где можно найти этих существ, я не знал. Рейд был скорее истеричной попыткой высшего руководства наладить хоть какие-то поиски. Для этих задач нужно отправлять не нас, а подразделение сил специальных операций при поддержке нескольких магов, и под прикрытием вертолётов. Искать иголку в стоге сена голыми руками бессмысленно, а сжигать стог целиком никто нам не даст.

Впрочем, шанс поймать орка всё же оставался. За драконом мы ходили рядом от гарнизона, поэтому совсем уж дурной затеей назвать это нельзя. Максимум, что мы можем сделать, это пройти по самому краю защитной сферы Яробора, удаляясь вглубь на три – четыре километра.

На небольшом совещании решили, что Александра с Кириллом и волотами будут дежурить у метаморфа. Ангелина пойдёт со мной, равно как и волкудлаки, но не все. Пойдёт лишь Первый Клык с сержантами. Молодь оставим как группу встречи, они будут в постоянной готовности, чтоб поддержать нас огнём во время отступления. В лесу дальность не играет роли, так что навыков волков в огневой подготовке вполне достаточно хотя бы для прикрытия нашего возвращения. К тому же я не хотел потерь. Володя со Светой тоже пойдут. Несмотря на то, что мы пешком, вампириша будет вполне полезна. Она прекрасно ориентируется в темно-

те. Оксану возьму с собой.

Я прищурился, выискивая свою подопечную взглядом. Её не было на месте, наверное, опять киснет в своём омуте.

Мимо пролетела пчела, делая очередной вираж вокруг пленного метаморфа, а тот лишь сидел на траве, по-прежнему притворяясь беззащитной девочкой и рисуя на листочках чужие пейзажи.

При виде пчелы я усмехнулся и закрыл глаза, прикасаясь к сложному клубку заклинаний, поддерживающих рой. Призрачные насекомые обладали простейшим синтетическим интеллектом, который я настраивал уже несколько лет, и для выполнения задач им нужно правильно дать команды, а помимо охраны метаморфа я хотел довести до конца ещё свой спор с Яробором. С мёдом разберусь позже, но для строительства синтетических сот им нужен обычный полиэтилен, которого везде в достатке, его надо только найти и собрать. Достаточно разбить саму процедуру на несложные операции и установить приоритеты и ограничения. В природе пчёлы, муравьи и термиты выполняют сложнейшие задачи, кооперируя свои силы и действуя сообща по простеньким алгоритмам.

Улей я строить не стал, дикие насекомые прекрасно обходятся без него, но найти дупло такого размера сложно, и это тоже входило в задачу.

Дальше нужно определить исключения из объектов поиска, чтоб не тревожить жителей гарнизона. А то мои создания

будут лезть во все щели, и пусть не убьют никого, но беспокойство навести смогут.

Я открыл глаза и достал из полевой сумки небольшой прозрачный пакетик, который специально припрятал, мысленно пометив его как материал, и бросил в траву. В тот же миг одна из пчёл резкими зигзагами подлетела к нему, зависла, а потом села. Она некоторое время шуршала лапками и перебирала пакетик, а потом в воздухе запахло палёной пластмассой. Из-под пчелы полыхнул ровный красный свет и потекла тонкая струйка дыма. Пчела резала материал, чтоб оторвать небольшой кусочек. Я долго думал, прежде чем сделать из неё подобие лазерного резака, в итоге просто сотворил нечто вроде линзы на брюшке, и фокусированный свет яркого фонаря смог плавить пластик, работать выжигателем по дереву и убивать клещей на поляне. Пчёлы обзавелись лазерными жалами.

Насекомое скомкало лапками полиэтилен и замерло. Для дальнейшей работы ей требовались инструкции, которых я пока не дал. Пластик можно было стерилизовать высокой температурой, но вот отмыть от грязи его всё равно надо.

Я ухмыльнулся и дал координаты водоёма. Пчела загудела и полетела в сторону Оксаниного омута, а я пошёл за ней. Этим я убью сразу двух зайцев, во-первых, прослежу за фантомом, а во-вторых, вытащу из пруда навью. Благо идти недалеко.

Через сотню шагов я вышел на берег речушки. Ровная

тёмная гладь была пуста. Глаза не находили девушку, но она точно где-то здесь, уж если её форма и нижнее бельё аккуратно развешаны на ветках деревьев.

Я отогнал нудно жужжащего комара и со вздохом сел у самой кромки воды. От речки тянуло прохладой и сырым воздухом. Быстро снующие стрекозы и мухи соперничали в создании зигзагов с водомерками.

Тяжело гудящая пчела залетела почти на середину ому-та, зависла там, а потом стала перебирать лапками, отмывая пластиковый комок от пыли и грязи. Делала она это с невероятным усердием, горя при этом ярким оранжевым маячком.

Я снова вздохнул и пошлёпал ладонью по воде.

– Эй, выдра ты наша, вылезай на сушу!

В тёмной глубине ому-та что-то шевельнулось. Показался бледный девичий силуэт, и Оксана поднялась к поверхности. Навья не стала выныривать, а замерла в толще воды, протянув к грани миров ладони, словно не плавала, а пряталась под стеклом. По зеркалу реки от ладоней девушки разошлась небольшая волна, а потом замерла, образовав метровый круг. Вода в этом круге покрылась мелкой рябью, подбрасывая едва заметные брызги.

Я с усмешкой наблюдал за таким баловством. Доводилось уже видеть подобный фокус, правда, не от Оксаны. Интересно, осилит или нет?

Как оказалось, осилила.

Над речкой родился очень глухой и шипящий, как старая поцарапанная виниловая пластинка, голос.

– Смотри, что уме-ю, – едва понятно по слогам произнёс голос без каких-либо намёков на интонацию.

Я ухмыльнулся.

– Здорово. Вылезай давай.

Оксана улыбнулась и сделала плавный взмах руками, заставив себя показаться над водой.

– А что это ты пчёл ко мне гоняешь? – тут же спросила она, подавшись к берегу.

– Да, так, – скривился я, не имея никакого желания вникать в подробности. – Вода у тебя самая чистая в округе.

– Что есть, то есть, – снова улыбнулась Оксана.

Я подал руку и помог мокрой навье вылезти из реки. Она, мягко шлёпая по траве, отошла от берега, а потом прижала ладони к груди и сделала взмах, словно хотела пойти танцевать вприсядку. Капли воды, что стекали по её бледной коже, разлетелись в разные стороны мелкими брызгами, оставив девушку совершенно сухой. В воздухе повисла радуга, переливаясь в лучиках солнца, пробивающегося сквозь листву в подлесок.

Я улыбнулся и стал снимать с веток её одежду. Пока сам не возьмёшь, она не растележится, будет сидеть и ждать. Девушка, глядя на меня, подняла с земли небольшую фляжку и вернулась к омуту. Там она набрала полную ёмкость воды, и только потом пошла за мной.

– В лес? – спросила она, осторожно ступая по шишкам и палым веткам.

– Ага, – не поворачиваясь, согласился я, – будем на живца ловить.

– Опять меня приманкой выставишь? – буркнула навья, следуя сзади в чём мать родила.

– Тут мы все приманки, – ответил я.

– Думаешь, поймает? – продолжала расспросы Оксана.

– Ну, что-то поймает однозначно, но вот что, я не берусь судить. Они тут кружат, как мойва на нересте, только рыбку пожирнее не думаю, что сразу получится выловить.

– Тебе мало дракона? – съязвила утопленница, когда мы уже вышли к нашему кунгу.

Там шли полным ходом сборы. Собственно, только Оксана и осталась не собранная. Я положил на столик её одежду, где навья начала одеваться под пристальными взглядами разведчиков и Кирилла. Поскольку пойдём пешими, то навешивать на себя много чего не стали.

Володя, Света, Ангелина и троица волкудлаков стояли небольшим полуколыцом, ожидая нашу утопленницу. Вампиру снарядили обычным АКС-74У. В лесу между корытшом и обычным автоматом нет никакой принципиальной разницы, что одному, что другому деревья мешают вести огонь на дистанцию больше чем сто метров.

Я подошёл к каждому из них и стал прикасаться к алюминиевым колечкам облегчителей. Это заклинание давалось

лучше всего именно мне. Колечки тянули вверх, натягивая карабинчики, ремешки и ляжки.

Через десять минут двинулись. Внутри не было никакого беспокойства. Проверенная команда шла заниматься тем делом, что умеет лучше всего: искать и ловить опасную нечисть, да и барьер совсем близко, ведь мы не собирались углубляться в территории. Этот рейд был нужен не нам, а начальству, чтобы отчитаться перед командованием о принятых мерах. Ещё раз мелькнула мысль, что смысла в наших действиях совсем немного.

Напоследок я активировал рой пчёл на поиск полиэтилена и подошёл к столу, чтобы взять сумку с Полозом и чёрным мячиком. Раньше я старался держать их отдельно, но сейчас не особо церемонился, запихивая сферу к дрыхнущему змею.

На зелёной крышке стола лежала очередная порция рисунков, выполненных с фотографическим реализмом.

На одном метаморф прижимался к боку огромного цветка эмиссара, как к большой мягкой подушке. Создание, с улыбкой закрыв глаза и сжав упругую поверхность пальцами, пыталось обнять огромную тушу, висящую в полуметре над чёрной травой. От рисунка исходило ощущение любви и заботы. На втором опять были те странные создания, которых я принял за ленивцев. Они свисали с нижней ветки, сбившись в плотную кучу, и протягивали тонкие лапки вниз, а под деревом стояли два человека. Обнажённые мужчина

и женщина тянули вверх руки, широко улыбаясь, словно сошедшие с плакатов соцреализма о мире во всём мире.

Бред. Я глядел в очередной раз на эту мазню и не понимал. Кровь и сотни тысяч убитых никак не вязались с этими рисунками.

– Ты скоро? – слышался голос Ангелины.

Я кивнул и пошёл прочь от нашей стоянки.

Уже привычный лес, пахнувший свежестью и первобытной дикостью, расступался перед нами, тихо поскрипывая деревьями, шелестя кронами и переливаясь песнями невидимых птиц. Голоса людей оставались позади, пробиваясь через растительность и рассыпаясь на осколки далёким эхом. Под ногами негромко шуршала палая хвоя, а вдалеке долбился дятел, уподобившись то ли радисту с морзянкой, то ли строителю с отбойным молотком, то ли автоматчику. Из-под ног иногда выскакивали испуганные насекомые. Трещали сороки, надрывались переливами своих песен птички-невелички. Едва заметно шевелились заросли шиповника и поляны папоротников. Кое-где кроны пропускали в свой полог лучи света, тогда они вырисовывали на земле и траве скачущие кляксы, похожие на лесных духов.

Я машинально поглядел на чёрно-белую трясогузку, что быстрыми движениями перескакивала с места на место. У птицы свои заботы и на людей ей наплевать. К месту вспомнились слова деда Семёна о деревьях и живущих в них предках, и я постучал по ближайшему стволу, шершавому и тёп-

лому.

– Пращуры, оберегите меня, – тихо пошептал я.

На костяшках пальцев остались чешуйки коры и липкая смола, которые я неспешно обтёр об камуфляж.

– Чу-чур меня, – повторил за мной Володя, тоже стукнув пару раз по дереву.

Потом послышалось сопение, заставившее на ходу обернуться. Первый Клык остановился и несколько раз втянул в себя воздух, принюхиваясь к тому месту, куда я стучал. Кажалось, он задерёт лапу и пометит ствол, но нет, волкудлак двинулся дальше, тихо рыкнув. Следуя его команде, Долгая Лапа свернул в сторону, начав идти чуть ли на четвереньках. Как говорилось, пошёл нижним чутьём, как легавый пёс. Человеческий череп, болтающийся на шнурках, дико смотрелся на разгрузке, надетой поверх бронежилета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.